

Эльдар Александрович Рязанов

Первая встреча – последняя встреча

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602235

Первая встреча – последняя встреча / Эльдар Рязанов: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-45677-2

Аннотация

Как в кино, подумаете вы, в жизни такого не бывает.

Бывает. Все эти невероятные, фантастические, порой авантурные истории, рассказанные Эльдаром Рязановым, происходили на самом деле. Все эти люди – яркие, смелые, очень одаренные и очень красивые – существовали, а некоторые, к счастью, и существуют. Их причудливые судьбы интереснее любого придуманного детектива. Со многими из них или с их близкими Э.Рязанов встречался во Франции, когда готовил для REN-TV цикл передач. На основе их рассказов и родилась эта книга.

Автор не просто любит – он обожает своих героев, восхищается ими. Нет сомнения, что это чувство передастся и вам.

Содержание

Первая встреча – последняя встреча	4
Русские музы	5
Анна – королева Франции	6
«Пропавшие» рисунки Модильяни	8
Очарованная душа – Мария Кудашева	14
Лидия, добрый ангел Матисса	17
Post Scriptum	21
Надя Леже, одержимая живописью	22
Ольга Хохлова и Пикассо	25
Наши книги придут нам на помощь	30
«Я хотела написать, почему Володя умер в сорок два года...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эльдар Рязанов

Первая встреча – последняя встреча

Первая встреча – последняя встреча

Казалось бы, что может быть общего между русской княжной Анной Ярославной, ставшей королевой Франции, и Александром Вертинским, «кочевником» и родоначальником бардовской песни в России? Чем любопытна, скажем, судьба Романа Гари, единственного в мире дважды лауреата Гонкуровской премии? А судьба эта, поверьте, – невероятна! Как могло случиться, что французского кинорежиссера Роже Вадима везли в больницу сразу четыре его жены, из них три – бывшие! Какова была одиссея еврейской девушки Эли Каган, которая стала знаменитой французской писательницей Эльзой Триоле?..

Об этих сильных незаурядных людях, их невероятных судьбах я рассказываю в этой книге, причем, подчеркиваю – все эти сюжеты взяты из подлинной жизни, все в них правда. А если где-то и встречаются кое-какие фантазии, то их выдумал не я – летописец и хроникер, а сами герои новелл, некоторые из которых любили о себе лихо приврать. За что им большое спасибо! Честно говоря, я люблю своих героев.

Эльдар Рязанов

Русские музы

Идея рассказать о русских женищинах, ставших музами, женами, спутницами, возлюбленными, моделями великих французов, – художников и писателей, – возникла у меня в 1994 году. Для начала было решено сделать телевизионный цикл. И вот осенью того же года REN-TV – молодая «нахальная» телекомпания организовала экспедицию во Францию.

Анна – королева Франции

Начали мы от «печки», то есть от дочки князя Ярослава Мудрого Анны, которая волею судеб стала в XI веке королевой Франции. Как видите, женская русская экспансия началась тысячу лет назад. Хотя в случае с Анной Ярославной слово «экспансия», пожалуй, не подходит. Она поехала за рубеж не по своей воле. Король Франции Генрих I овдовел. Ему нужна была новая жена, разумеется, молодая, нужны наследники. Король не хотел брать в жены принцессу из ближнего, как бы сказали сейчас, к Франции зарубежья, опасался интриг, заговоров, войн за наследство. Генрих слышал от купцов, что у князя Ярослава Мудрого в Киеве растут прекрасные дочери. И он послал в далекий Киев представительное посольство, куда входили и духовные лица, и дипломаты, и военные. Язык до Киева доведет, говорит русская поговорка. Почти год добирались подданные Генриха до невесты, а жених, тем временем, воевал с братьями и другими близкими родственниками, расширяя свои владения. Наконец доверенные люди прибыли в Киев и увидели Анну. Они пришли в восхищение, и судьба девушки была решена. Ей собрали богатое приданое, в том числе знаменитое Остромирово Евангелие. На этой святыне впоследствии присягали все последующие французские короли при возведении их на престол. Караван двинулся через Европу. Везли много сундуков с добром и подарками. Ярослав снарядил для сопровождения дочери отряд отважных дружинников. Дороги были опасны – в Польше и в Германии разбойничали.

После долгого путешествия Анну привезли в город Мелун, где в то время квартировал королевский двор. Генрих был очарован невестой. В 1054 году в Реймсе состоялось венчание. Анна Французская родила трех сыновей, один из которых стал впоследствии королем Филиппом. Но счастье королевской четы было недолгим. Через семь лет Генрих I скончался, он был старше жены на двадцать лет. Принцы были маленькие, и так случилось, что русская княжна стала королевой Франции и восемь лет правила страной.

Естественно, что, собирая материалы об Анне, я приехал в старинный город Мелун, побывал в замке, в котором тысячу лет назад жила наша славная соотечественница. Замок *был* перестроен в XVIII веке, но сохранились старые подземные переходы с тех древних времен. А может, даже еще с более давних, когда в Мелуне хозяйничали римляне. Владелец замка нашел в этих подвалах уникальный документ. Подлинник он сдал в архив Франции, а у меня в руках оказалась копия. Оператор крупным планом снял свиток.

Сам текст этой бумаги не представляет особого интереса, тут были какие-то хозяйственные записи. Однако... Вот видите этот крест? (Я показал телезрителям свиток.) Это подпись короля Генриха I. Почему крест? Потому что он был неграмотным, не умел ни писать, ни читать. А вот подпись королевы Анны. Видите, подписано: королева Анна. И рядом с подписью здесь два креста. Естественно, ведь Анна знала два языка: славянский и французский. А если говорить серьезно, она действительно была очень образованна, и почему здесь стоят эти кресты, непонятно.

Горе молодой вдовы было не очень продолжительным. Одержимый любовью к прекрасной королеве сосед маркиз дю Кресси похитил Анну. И они стали жить, предава-

ясь блуду. Это вызвало огромное неудовольствие Папы Римского. Он отлучил маркиза дю Кресси от церкви. И попытался сделать то же самое с Анной, но что-то ему помешало.

Говорят, Анна прожила долгую счастливую жизнь. А вообще, кто знает? Это было так давно. Я говорю в подобных случаях: «История – это сказка, слегка приукрашенная правдой...»

Может быть, легенда об Анне, пройдя через века, каким-то образом повлияла на поведение и поступки наших последующих героинь. Но нельзя забывать и того, что образованная часть российского общества всегда тяготела к Франции, а высший свет говорил на французском языке лучше, чем на родном. Прекрасный Париж, как магнит, притягивал славянскую душу. А после октябрьского переворота 1917 года Франция стала прибежищем для сотен тысяч русских эмигрантов...

«Пропавшие» рисунки Модильяни

На Монпарнасе, в Париже, издавна дававшем приют художникам всего мира, расположен знаменитый дом. Он называется «Улей» и состоит только из мастерских для живописцев. Он и строился именно с этой целью. Это шестнадцатигранник, где каждая грань – огромное окно, ибо живописцам надобно много света. Название «Улей» произошло оттого, что конструкция дома напоминает пчелиные соты, где в каждой ячейке трудится пчела. Мы побывали в нескольких мастерских, – они все одинаковы и по площади, и по планировке. Здесь в первой четверти XX века жили, рисовали, писали картины замечательные художники Архипенко, Кикоэн, Сутин, Цадкин, Леже, Шагал, Модильяни. Мастерские двух последних мы, разумеется, посетили.

Собственно говоря, ради Модильяни мы сюда и пришли.

Поговорим об Амедео Модильяни и об Анне Ахматовой.

Вспоминаю ее стихи:

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.
И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.
И бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
А на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

В 1910 году Анна Андреевна приезжала в Париж. Это была молодая 20-летняя барышня, сочинявшая вполне взрослые стихи. Она познакомилась с бедным, вернее, нищим, художником Амедео Модильяни.

И дальше, по мере моего рассказа, мы с телевизионной камерой кочевали по прекрасному городу то в Люксембургский сад, то на Монмартр, то в Латинский квартал. Мы показывали телезрителям изысканные портреты, сделанные Модильяни, и фотографии с так хорошо узнаваемым профилем Ахматовой. Нам очень хотелось передать зрителям ощущение грусти и нежности, сделать их соучастниками светлой и, в конечном итоге, печальной истории, случившейся на заре XX столетия.

Модильяни писал Ахматовой в Россию после их встречи, что она в нем, как наваждение. Он поражался ее особенности угадывать мысли, распознавать чужие сны.

На следующий год Ахматова снова приехала в Париж. Поводом послужили триумфальные выступления Дягилевского балета, но, может быть, подлинной причиной стало желание еще раз увидеть художника.

Парижское кафе. 1910-е годы

Ахматова написала воспоминания об этой дружбе, об этой любви, – трепетные, трогательные, чистые и благородные. Я хочу процитировать несколько строчек. Вот что она пишет о них двоих:

«Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь. Все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни, его – очень короткой, моей – очень длинной. Дыханье искусства еще не обуглило, еще не преобразило эти два существования. Это должен был быть светлый, легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пресекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который прятался где-то рядом.

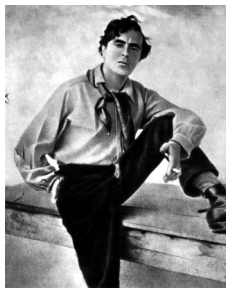

Анна Ахматова, 1910-е годы

И все божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его навсегда остался в моей памяти. Я знала его нищим. И было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания».

Анна Андреевна вспоминает, что Модильяни был окружен плотной завесой одиночества. Он никогда и ни с кем не здоровался, жил в квартале, где обитали художники. Не упоминал имен друзей. Он был очень, очень одинок. И кроме того, невероятно беден.

Когда они сидели в Люксембургском саду, у него не было даже нескольких сантиметров для того, чтобы взять стулья и сесть туда, куда им хотелось. Они садились на общественные скамейки, но все равно это было прекрасно, потому что они захлеб читали друг другу любимые строки Бодлера или Верлена. И радовались тому, что им нравятся одни и те же стихи.

Амедео Модильяни. Фото 1916—1917 гг.

Однажды, пишет Ахматова, она, видно, не точно сговорившись с Модильяни о встрече, пришла к нему в мастерскую, но мастерская была заперта. У Анны Андреевны была с собой охапка роз, которые она купила для художника. Она заметила открытое окно – мастерская находилась в бельэтаже – и решила, что будет бросать туда по одному цветку. Модильяни на следующий день недоумевал: «Как ты смогла попасть в мастерскую, она же была закрыта?» И когда Анна Андреевна рассказала, что бросала цветы через окно, он не поверил: цветы были так красиво уложены, как будто это было сделано специально.

Ахматова, рисунок Модильяни, Париж, 1911 год

Модильяни рисовал обнаженную Ахматову у себя в мастерской. Он сделал шестнадцать рисунков. И просил, чтобы по возвращении в Россию она их окантовала и повесила у себя. Но все рисунки, кроме одного, исчезли в годы революции и долгое время считались пропавшими. Лишь несколько лет назад они нашлись.

Из уст самой Анны Андреевны неоднократно звучала версия об уничтожении рисунков в революционное время. Она рассказывала, что они погибли в ее царскосельском доме. Вспоминала, как красногвардейцы сворачивали из рисунков Модильяни козьи ножки, засыпали махорку и курили. Все верили в эту историю. И вдруг в 1993 году на выставке в Венеции появилось десять неизвестных рисунков великого художника, на которых была изображена одна и та же обнаженная модель с характерным горбоносым профилем. Славистка из Генуи Августа Докукина-Бобель опознала в модели Ахматову. Началась раскрутка: что? как? почему? Выяснилось, что некий доктор Поль Александер, сам человек небогатый, покупал иногда у Модильяни его работы, буквально за гроши. Свыше восьмидесяти лет пролежали эти рисунки в архиве доктора, в какой-то папке, прежде чем его наследники показали их на венецианской выставке. Далее существуют разные варианты. Может быть, рисунков было больше, чем указывала Анна Андреевна, и действительно часть из них погибла, а часть была продана художником доктору. Есть и другая версия, более вероятная. Поскольку Ахматова позировала обнаженной, она, скорее всего, хотела скрыть эти эскизы. Может, на самом деле, она их оставила у Модильяни, дальше они попали к вышеупомянутому доктору. Роман Ахматовой и Модильяни начался в 1910 году, а совсем незадолго до этого (в апреле того же года)

Анна Андреевна вышла замуж за Николая Гумилева¹. Вряд ли она рассказывала Модильяни о своем замужестве. Тем более, в этой ситуации показать кому-либо эти рисунки, в общем-то компрометирующие молодую жену, было невозможно.

В поздние годы Анна Андреевна не скрывала своих отношений с художником, наоборот, гордилась ими.

После отъезда из Парижа в 1911 году Ахматова долгое время ничего не знала и не слышала о Модильяни. Она была уверена, что он должен проблистать, просиять, должен быть всемирно известен. Но никаких сведений до нее не доходило много лет.

В 1918 году они с Николаем Гумилевым ехали в Бежецк, чтобы навестить своего сына Леву – в будущем крупного ученого, трижды посаженного в годы сталинских репрессий. По дороге в каком-то разговоре Ахматова произнесла фамилию Модильяни. Гумилев заметил, что они встречались с ним в какой-то компании в Париже, и Модильяни был вдребадан пьян. Устроил скандал, почему, мол, Гумилев при всех говорит по-русски. «Пьяное чудовище» – так его обозвал Гумилев... Что это? Он что-то знал? Или же это была интуитивная ревность?

¹ Известно, что Гумилев несколько лет добивался согласия Анны Андреевны на брак. Но Ахматова упорно отказывала Николаю Степановичу. Наконец, после многократных предложений в 1910 году она сдалась. Трудно понять душу любой женщины, а уж такой, как Ахматова, невозможно. Но из этого факта, тем не менее, можно сделать вывод, что Гумилев был влюблен очень сильно, а вот она... Иначе как объяснить, что буквально через несколько месяцев после свадьбы у ново-брачной возникли такие, безусловно, нежные отношения с молодым художником. И, конечно, повесить у себя в семейном доме картины, где она позировала обнаженной, абсолютно исключалось.

Николай Гумилев. 1910-е годы

Ахматова писала, что в годы их романа Модильяни совершенно ничего не пил и от него никогда не пахло вином. Хотя какие-то фразы о наркотиках иногда в разговоре проскальзывали.

Когда начался НЭП, в начале 20-х, Ахматова была членом какой-то комиссии в издательстве «Всемирная литература». Ей в руки попал французский иллюстрированный журнал о художниках. В нем она прочитала некролог, где сообщалось, что Модильяни умер...

Амедео Модильяни

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,

Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

Как печально! По сути дела, эта романтическая история не кончилась ничем. История взаимоотношений между двумя гениями – Франции и России. Между великим художником и великим поэтом. Однако эта любовная страница была...

Очарованная душа – Мария Кудашева

Четвертый том «Очарованной души» Ромена Роллана предваряет такое посвящение: «Марии! Тебе, жена и друг, в дар приношу свои раны. Они лучшее, что дала мне жизнь, ими, как вехами, был отмечен каждый мой шаг вперед. Ромен Роллан, сентябрь, 1933 года».

Пришла пора поговорить о спутнице Ромена Роллана, о его жене, его музе, верной подруге, которая прожила с ним его последние годы.

Вот что писал он сам в письме своему другу, известному искусствоведу Луи Желе: «Мы с женой будем очень рады Вам. У меня теперь есть славная спутница в жизни, она разделяет мою участь, защищает меня от всех напастей».

Маша, будущая жена великого французского романиста, автора «Кола Брюньона», «Жана Кристофа», «Очарованной души», родилась в 1895 году. Ее мать была француженка, гувернантка, фамилия ее была Кувилье. Она служила в семье русского полковника, и так случилось, что отцом Марии Павловны стал этот самый полковник. Семья полковника – жена и дети – почему-то (я даже не могу понять, почему!) не обрадовались новоявленной родственнице. И как-то стали быстренько выживать из своей семьи как гувернантку, так и ребеночка. Полковнику пришлось отправить незаконнорожденную девочку во Францию к тетушке. Поэтому Мария с самого раннего детства прекрасно знала два языка – французский и русский. Но ее тянуло домой, на родину. Юной девушкой Маша вернулась в Россию. Она росла очень образованной, много читала. Дружила с сестрами Цветаевыми, Мариной и Анастасией, вошла в поэтический круг. Стала сама писать стихи. Переводила французские книги на русский язык, русские на французский, словом, была чрезвычайно одаренным человеком.

Маша (впрочем, родные и друзья чаще называли ее Майей) вышла замуж за офицера, потомка князя Кудашева, и в 1917 году у них родился сын Сергей. Однако гражданская война была безжалостной, и сыпной тиф унес белого офицера Кудашева. Мария Павловна осталась молодой вдовой с маленьким сыном на руках. Ей помогла семья Максимилиана Волошина. Около двух лет Мария Павловна прожила в Крыму в доме Волошиных. Потом она вернулась в Петербург и стала работать секретарем в Академии наук.

Знакомство Марии Павловны с Роменом Ролланом произошло таким образом. Она прочитала «Жана Кристофа» и послала автору восторженное письмо на французском языке. Тот был польщен трогательным откликом из России и ответил. Через некоторое время она написала снова. Возникла регулярная переписка между читательницей и сочинителем.

Молоденькие барышни – Марина Цветаева и Мария Кудашева

И мало-помалу ее влюбленность в героя книги, восхищение произведениями писателя перенеслись на самого автора. Мария Павловна писала ему откровенные письма, рассказывала обо всем, в том числе и о своих романах... Очевидно, ее письма содержали в себе

большой страстный любовный заряд. Писатель постепенно поддавался очарованию эпистолярного дара своей корреспондентки. В конце концов, Ромен Роллан пригласил ее познакомиться. Были проблемы с семьей, поэтому они встретились в Швейцарии. Сестра писателя в штывы встречала любую его влюбленность. Через некоторое время Кудашева вернулась в Россию. Потом они еще раз недолго жили вместе и снова расстались. И только в конце 20-х годов писатель решился. Мария Павловна приехала во Францию насовсем. Конечно, она завоевала его. Но не сомневаюсь, что с ее стороны была подлинная любовь. Уверен, что Роллан почувствовал бы фальшь, неискренность. Да и всей своей последующей жизнью Мария Павловна доказала, что классик сделал правильный выбор.

Но еще несколько лет Ромен Роллан не мог жениться на Маше. Его сестра была категорически против этого брака; только в 34-м году Мария Кудашева стала Марией Ромен Роллан². По этому поводу было много пересудов и сплетен. Как же так! 70-летний великий французский писатель женился на 40-летней русской авантюристке, разница в возрасте в тридцать лет! И т. д. и т. п. Но Роллан решительно давал отпор всем нападкам на его личную жизнь.

Он искренне полюбил и своего пасынка Сережу Кудашева. Когда же началась война, связь с Россией оборвалась. Мария Павловна и Ромен Роллан ничего не знали о том, что произошло с сыном. А младший лейтенант артиллерии Сергей Кудашев пал под Москвой смертью храбрых в 41-м...

Ромен Роллан и Мария Кудашева

Маша и Ромен Роллан жили в маленьком городке недалеко от Парижа. Когда в 40-м году немцы вошли во Францию, они оказались в оккупированной зоне. Было тревожно: ведь Мария Павловна русская, а Ромен Роллан известен своими прогрессивными левыми взглядами. Однако немцы отнеслись к писателю довольно нейтрально. Во-первых, они знали, что в «Жане Кристофе» и в «Бетховене» он с большой симпатией описывал немцев. И кроме того, было известно, что выступал против Версальского мира, считая его позорным. Конечно, в период оккупации Ромен Роллан был угнетен. И было тяжело, унижительно, что родина находится под немецким сапогом. Вот что он писал в Москву Жану Ришару Блоку незадолго до своей кончины. Это было одно из последних писем великого писателя:

«Мы тревожимся о судьбе нашего сына Сергея Кудашева, о котором мы ничего не знаем с 40-го года. В настоящее время мы предпринимаем некоторые шаги... Я по-братски вас обнимаю, вас и вашу дорогую жену. Моя жена тоже вас обнимает. Если вы меня любите, любите и ее. Лишь благодаря ей я живу. Без ее неустанной помощи, без ее нежности я не смог бы перенести эти тяготы, нескончаемые долгие мрачные годы духовной угнетенности и

² В 1934 году Ромен Роллан по приглашению М. Горького приехал в СССР. Многие издания тогда обошел снимок Р. Роллана и М. Горького. Но в центре этой фотографии была изображена женщина, которую ни на одной подписи не называли. Все подписи гласили: Ромен Роллан и Максим Горький. А в центре была жена французского писателя – Мария Кудашева. Хамство со стороны всех наших газет и журналов было неслыханное.

болезни». В 1944 году Ромена Роллана не стало. А Мария Павловна прожила еще сорок один год. Она умерла в 1985-м. Она издавала его собрания сочинений, открыла два музея, сохранила творческое наследие, собрала все письма Ромена Роллана и опубликовала его переписку. Мария Павловна оказалась верной и преданной спутницей великого французского писателя-гуманиста. Кто-то сказал: «Нужно жениться не на хорошей жене, а на хорошей вдове». Ромену Роллану удалось и первое, и второе...

Лидия, добрый ангел Матисса

Муза Анри Матисса, Лидия Николаевна Делекторская, вела затворнический образ жизни. Я надеялся, что мне удастся повидаться с ней, но она решительно отказывалась от каких бы то ни было интервью. Единственное, что мне удалось, это поговорить с ней по телефону.

Я просил ее о встрече, однако получил очень вежливый, очень доброжелательный, но бесповоротный отказ. И тем не менее, мне бы хотелось, чтобы вы узнали об этой женщине, она того заслуживает. И еще как заслуживает!

Судьба Лидии Делекторской в общих чертах похожа на судьбы других русских женщин, волею обстоятельств выброшенных за пределы отчизны.

В Сибири в конце Гражданской войны погибает ее отец, а вскоре умирает мать. Девочку подбирает тетка, и она оказывается в Харбине. Харбин был спасительным островком русской эмиграции в Китае.

Здесь Лида училась в русском лицее, окончила его. Затем судьба забрасывает ее в Париж, и там в девятнадцать лет она выходит замуж за русского эмигранта. Однако брак, очевидно, оказался неудачным, ибо когда ей исполнилось двадцать, Лидия Делекторская одна уезжает в Ниццу. Там совершенно случайно ее нанимают в ателье Матисса. Он в это время работал над большим полотном «Танец» для американского музея. Для многофигурной композиции ему нужны были натурщицы.

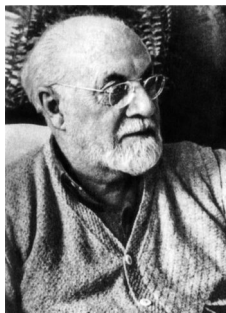

Лидия Делекторская

Полгода Лидия Николаевна проработала в мастерской, познакомилась с великим художником. Но после того как картина «Танец» была закончена, в ее услугах больше не нуждались. И Делекторская оказалась без работы.

Мадам Матисс в это время болела, и старая сиделка, которая ухаживала за ней, стала раздражать супругов. Тут они вспомнили о молчаливой русской, милой спокойной блондинке, которая плохо знала французский язык. Чета Матиссов пригласила ее. Так Лидия Делекторская поселилась в этой семье.

Это было в 1932 году. Ей было 22 года. И вся ее судьба, до ухода Матисса в 1954 году из жизни и после, оказалась связанной с великим художником. Она прилежно ухаживала за мадам Матисс, и та поначалу благоволила к ней. Что же касается Матисса, то сперва он Лидию почти не замечал. Она была для художника, ну как вещь в доме, которая делает свое дело. Со временем художник все больше и больше присматривался к ней. Матисс стал приглашать ее позировать в качестве модели. Рисовать ее портрет за портретом. У нее *были* красивые волосы, и Матисс попросил Лидию каждое утро мыть голову, чтобы волосы были пышными и рассыпались по плечам. Его восхищали линии ее тела, изящество. Лидия была скромна, трудолюбива, очень деликатна. И она была молода: разница в возрасте между ней и Матиссом была огромна – 40 лет.

Анри Матисс

Постепенно Лидия Делекторская стала незаменимым человеком в этой семье. Была и сиделкой, и помощницей, и служанкой, и моделью. Вскоре стала вести все дела. Это стало раздражать мадам Матисс. Отношения в семье разладились, и супруги разъехались. Мадам Матисс осталась в Париже, а Матисс уехал жить на юг Франции. Лидию он забрал с собой. Она была необходима художнику. Без нее он не мог работать. Она была с ним рядом, когда ему в начале войны делали сложную операцию; она была ему верным помощником, когда он строил и оформлял свой последний шедевр – изумительную часовню в Вансе. Эта капелла поражает безупречными пропорциями, гениальными витражами, атмосферой, которая уносит тебя ввысь, ощущением того, что все, что тебя окружает в церковке, – прекрасно. Это удивительное творение великого художника. И Лидия должна была вникать в архитектурные и строительные тонкости, быть посредником с рабочими, следить, чтобы все задуманное создателем, было воплощено в жизнь. Конечно, между ней и художником сложились доверительные дружеские отношения, душевная связь стала нерасторжимой. Но Лидия по-прежнему оставалась скромной и щепетильной.

В частности, она иногда покупала у Матисса его рисунки, эскизы, картины небольшого размера. Причем, у нее не было никаких доходов, кроме той заработной платы, которую выплачивал ей Матисс. И если порой художник хотел сделать ей скидку, продать дешевле, Делекторская категорически отказывалась. Она покупала именно за ту цену, которую, по ее мнению, Матисс мог бы получить от картинной галереи. В этом не было ни игры, ни жеманства. Она жила по своим правилам и никогда их не нарушала. И она никогда не забывала о существовании семьи Матисса.

Лидия Делекторская. Рисунки Анри Матисса

Два раза в год он дарил ей свои рисунки. Один ко дню ее рождения, другой – на Рождество. Это были подарки, сделанные от всего сердца, и она их, естественно, принимала. Она знала – художник сам говорил ей – по завещанию все оставалось семье – законной супруге и детям. Строгость, честность, справедливость были сущностью Лидии Николаевны. Больше всего она боялась доставить кому-либо какие-нибудь, даже минимальные, неудобства.

Хотя Лидия Делекторская покинула Россию совсем в раннем возрасте, она очень тосковала по Родине. В особенности она переживала в военные годы, когда страна изнемогала в суровой, кровавой войне против фашизма. В 1945 году, когда кончилась война, она попросила продать ей шесть картин, она хотела подарить их России. Матисс за эти же деньги, как у нас бы сказали, «дал с походом», то есть добавил еще одну, седьмую, картину. Все семь картин Лидия Николаевна отправила в Советский Союз – в «Эрмитаж» и в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Причем это было передано без всяких условий, напротив – с просьбой не упоминать ее имя.

Лидия Николаевна – абсолютная бесребреница, бескорыстная душа. Многие ей говорили: «Ты сошла с ума! Если бы ты продавала эти картины, жила бы безбедно!» А она вела и ведет очень скромный образ жизни: ездит на автобусах, электричке, у нее нет машины, маленькая квартирka. От самых разных людей мы слышали о Лидии Делекторской только одно: это редкой души человек, благородный, деликатный, застенчивый. Мне очень жаль, что нам не удалось встретиться с ней лично, познакомиться. Это позволило бы мне более полно представить вам еще одну прекрасную русскую женщину – верную спутницу великого Анри Матисса.

Она пережила человека, которому посвятила свою жизнь, на 44 года. Она была крупнейшим специалистом по творчеству французского гения. К ней всегда обращались музеи и галереи, когда надо было установить подлинность произведения. И ее суждение всегда было абсолютно верным. Никто не знал творчества Матисса лучше, чем она. Не могу не сказать еще об одном качестве Лидии Николаевны. Она стала литературным переводчиком с русского на французский. Она подружилась с лучшим писателем-стилистом нашей страны Константином Георгиевичем Паустовским. Она гостила у него в его доме в Тарусе на Оке и глубоко прониклась красотой прозы Паустовского. В результате Лидия Николаевна проделала исполинский труд – перевела на французский все творения писателя – 12 томов.

Уже в Москве я узнал, что директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова – старинный друг Делекторской. По возвращении сразу же устремился в музей, чтобы разузнать об этой странной и удивительной женщине.

Эльдар Рязанов. Ирина Александровна, скажите, пожалуйста... Матисс был уже стар, а Лидия Николаевна была молодой женщиной. Были ли там какие-то личные, любовные отношения? Я не имею в виду постель, но все-таки испытывал ли Матисс к этой женщине какие-то чувства? Короче, как вам кажется, любил ли он ее?

Ирина Александровна. Думаю, что любил. Но я не берусь объяснить чувства Матисса. Понимаете, ведь в начале своей жизни она была простой женщиной. По своему положению, по образованию, по своим знаниям, конечно, не соответствовала великому живописцу. Но она росла рядом с Матиссом – и человечески, и житейски, и в понимании искусства тоже. Лидия Николаевна обладала и обладает удивительными человеческими ценностями. Помимо ее души и духа, ее разумной головы, работоспособность у нее всегда была невероятной. Кроме того, ей были свойственны удивительное изящество, особая красота, пластичность, которые понятны художнику. Он сначала, может быть, не заметил этого, потом прозрел. Он вдруг увидел линию ее плеч, красоту ног, овал лица, ее профиль, ее фас, ее волосы, дивные белокурые волосы.

Эльдар Рязанов. Вот все это он увидел внезапно и осознал, что это то, в чем он нуждался, что это его тип. Скажите, а была ли она влюблена в Матисса?

Ирина Александровна. Трудный вопрос, Эльдар Александрович. Я с ней как-то провела отпуск в Крыму, в Доме творчества художников. Просто пригласила ее. И у нас было много свободного времени, когда мы гуляли по берегу и в окрестностях. Она никогда об этом не говорит. При этом она так не говорит, что даже не дает повода ее спросить. Понимаете, это такой человек, с которым я точно знаю, о чем нельзя разговаривать.

Эльдар Рязанов. Но не из-за жалованья же она прожила с ним двадцать два года?

Ирина Александровна. Нет, конечно, нет. И знаете, так же уверенно, как говорю о чувствах Матисса по отношению к ней, могу вам сказать: убеждена – она его любила.

Эльдар Рязанов. А в завещании он что-нибудь ей оставил?

Ирина Александровна. Ей ничего не было оставлено в завещании.

Эльдар Рязанов. Только родным?

Ирина Александровна. Только родным. Мы ведь знаем, что когда Матисс умер в Ницце, Лидия Николаевна в тот же день покинула дом. Ее долго никто не мог найти.

Дети и внуки Матисса относятся к ней с уважением. Она мудрая женщина, всё понимала. И с самого начала заняла именно такую жизненную позицию. Это и спасло ее отношения с потомками Матисса на все последующие годы.

Post Scriptum

Прошло около пятнадцати лет. В июне 2010 года в Музее изобразительных искусств им. Пушкина состоялся вечер, посвященный столетию со дня рождения Лидии Николаевны Делекторской. Выступали директор музея И.А. Антонова, научные сотрудники музея, друзья, племянница Лидии Николаевны. Потом был показан большой документальный фильм о Делекторской. На этом вечере я задал Ирине Александровне два вопроса.

Эльдар Рязанов. Когда умерла Лидия Николаевна?

Ирина Александровна. Это случилось 16 марта 1998 года. Лидии Николаевне было 88 лет, она покончила с собой. До этого у нее было несколько попыток уйти из жизни.

Расскажу такую историю. Это было года за два – за три до ее ухода. Однажды я оказалась в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Вы знаете, это русское кладбище. И вдруг я увидела свежую могильную плиту с выбитой надписью: «Лидия Делекторская. Дата рождения – 1910 год». Даты смерти не было. Я немедленно позвонила ей и спросила, что это значит? Она сказала, что, мол, готовится... что не хочет доставить каких-то неудобств с организацией ее похорон. Вот такой она человек... Я ее люблю. Просто счастье, что я встретила такого человека, таких людей очень мало...

Эльдар Рязанов. Но из фильма я узнал, что она похоронена в России, в городе Павловске под Петербургом. Как это случилось?

Ирина Александровна. Честно говоря, я не знаю...

Это было единственное, на что мудрая, замечательная, уникальная, потрясающая женщина Ирина Александровна Антонова не смогла мне ответить. Но, слава Богу, что другая потрясающая, уникальная женщина Лидия Делекторская нашла свой последний приют на Родине, в России, откуда ее вывезли маленькой девочкой...

Надя Леже, одержимая живописью

У Нади Ходасевич, девочки из белорусского местечка, была неудержимая страсть к живописи. Она любила рисовать. Шла Первая мировая война, и семью Ходасевичей бросало из Белоруссии в Россию и снова в Белоруссию. Вскоре после революции 17-го года Надя прослышала, что в Смоленске открылись государственные мастерские живописи. Она самовольно, бросив семью, уезжает в Смоленск и начинает учиться в этих художественных мастерских. Преподавали тогда яркие самобытные художники. В том числе, супрематист Казимир Малевич, который в 1915 году прославился своим «Черным квадратом». Супрематизм в переводе с французского – «наивысшее, наилучшее».

Случайно в одной из библиотек города Смоленска Надя наткнулась на журнал, где было интервью с Фернаном Леже. Он утверждал, что живопись – искусство будущего. Для Нади высказывания художника, живущего в Париже, стали откровением.

Девушка запомнила имя: Фернан Леже. И решила: в Париж, в Париж! Она несколько раз пыталась самовольно поехать в Париж, но ее снимали с поезда, возвращали домой. И тут выяснилось, что одна польская семья, соседи, едет в Варшаву. Посмотрев на географическую карту, Надя поняла: Варшава это город на полпути к Парижу. Она, воспользовавшись этой оказией, приезжает в Варшаву и устраивается служанкой. Так случилось, что в нее влюбился сын ее богатых хозяев, Станислав, и они поженились. К сожалению, молодые скоро начали ссориться, и потянулись однообразные и печальные будни.

Но одержимая Надя тем не менее сумела подбить Станислава на переезд в Париж, она и его сумела заразить любовью к живописи и идеями Леже. Короче, Надя и Станислав приезжают в Париж, поселяются в семейном пансионе и направляются на улицу Нотр-Дам де Шан, 86, где помещалась Академия Фернана Леже.

Это, конечно, невероятно, но это случилось. Они оба были приняты в Академию. В то время у Фернана Леже было много учеников из разных стран и первое время он не обращал на Надю никакого внимания. Но однажды остановился около ее рисунков. Леже изумился дарованию ученицы и пригласил Надю к себе. Он показал ей свои работы. Она была ошеломлена: это было буйство красок и буйство геометрии. Новаторство Леже поражало и ослепляло.

Прошло несколько лет. Жизнь Нади со Станиславом была сложной. Родилась дочь Ванда, а скандалы с мужем продолжались. Ситуация разрешилась тем, что Станислав должен был вернуться в Польшу, чтобы служить в армии.

Надя осталась одна с дочкой, без каких бы то ни было средств к существованию. И тогда она пришла к госпоже Вальморан, хозяйке семейного пансиона, и спросила: «Госпожа Вальморан, вам не нужна служанка?» Хозяйка долго не могла понять, зачем это замужней богатой даме, ведь она занимала одну из лучших комнат в этом пансионе. Надя объяснила, что мужа у нее больше нет, они расстались, он уехал в Польшу, где служит в армии. А ей надо воспитывать дочь и учиться живописи. Поэтому она и просит взять в служанки.

Надя с дочкой перебралась в каморку на верхнем этаже пансиона. Началась трудная жизнь. Надо было вставать в пять утра, бежать за продуктами, готовить, мыть посуду, нянчить дочь, потом мчаться на занятия в Академию Леже. Так продолжалось несколько лет. Польский свекор волновался за внучку. Он знал, что у Нади плохое здоровье – предрасположенность к туберкулезу. Свекор посылал ей деньги, но она их отсылала обратно. Однажды он все-таки настоял на своем: «Я хочу, чтобы ты взяла деньги. Ванда – моя внучка, а единственный ее кормилец – это ты. Чтобы ты не заболела, тебе нужно купить шубу». Тогда Надежда Петровна поступила так: купила самую дешевую шубейку, а на оставшиеся деньги, будучи служанкой в семейном пансионе и студенткой, – надумала самостоятельно издавать

журнал современного искусства. Издавала она его на двух языках, французском и польском, наняла редактора. Даже вышло два номера этого журнала. Все это говорит о ее совершенно неудержимой страсти к живописи, доходящей до сумасшествия. Во всяком случае, вряд ли история искусства знает еще подобные примеры, чтобы служанка издавала журнал о живописном авангарде...

Однажды Надя ехала в электричке из деревни и везла очень много корзин с продуктами для семейного пансиона мадам Вальморан. Какой-то элегантный высокий и красивый француз вызвался помочь ей. Так они познакомились, и так возникла взаимная симпатия.

Надя Ходасевич (Леже)

Элегантного француза звали Жорж Бокье. Он служил в Министерстве почты и телеграфа. Жорж увлекался рисованием, и Надя предложила: «Хотите учиться живописи?» Так Жорж Бокье попал в Академию Фернана Леже. Вскоре он стал одним из самых первых учеников, его очень полюбил мэтр и впоследствии сделал старостой Академии.

Надя втащила красавца Жоржа Бокье не только в свою постель и в живопись, но еще и в Коммунистическую партию. Они записались в коммунистическую ячейку, ходили вместе на собрания. Казалось бы, всё хорошо. Но... в 1939 году, когда началась Вторая мировая война, Жорж Бокье в первый же день ушел на фронт. Надя активно участвовала в движении Сопротивления. Она удочерила беженку, английскую девочку, и вместе с Вандой и английской дочкой они ходили по ночному Парижу. Девочки расклеивали листовки, так чтобы не заметила полиция, а Надя стояла «на шухере».

Жизнь ее все время подвергалась опасности, за ней следили. Спасаясь от шпигов, приходилось скрываться.

Однажды Надя спряталась в парикмахерской. Но шпик продолжал дежурить у дверей. И тогда она ушла оттуда... с обрезанной косой и вдобавок блондинкой. Приходилось и приобретать документы на другое имя и фамилию. Когда кончилась война, Надя хотела помочь советским военнопленным. Она решила организовать аукцион. Упросила Леже, и он дал свою картину. Обратилась к Пикассо. Тот для этой цели дал три полотна. Следующим был Жорж Брак, и от него Надя не ушла с пустыми руками. Она обошла многих художников, собрала целую коллекцию. Аукцион прошел успешно, деньги были собраны. И сумма оказалась весьма внушительной...

С войны вернулся Бокье, роман возобновился. Надя продолжала работать в Академии с Фернаном Леже, стала его правой рукой. Она помогала ему, разрабатывала его эскизы. И сама занималась живописью – портретами, пейзажами. В 1951 году в семью Леже пришла беда, умерла его жена. 70-летнему старику было одиноко, он стал часто приходить к Наде по вечерам.

Жалость к учителю, многолетнее сотрудничество и дружба – всё это привело к тому, что Надя стала женой Фернана Леже.

Надо же было случиться тому, что интервью с Леже, прочитанное в юности в Смоленске, оказалось – придется высказаться высокопарно – путеводной звездой ее жизни... Надя старалась облегчить жизнь старому художнику, купила дом за городом, чтобы Леже

мог выезжать туда для отдыха после тяжелого трудового дня. Она стремилась создать дома как можно больше уюта и тепла.

Надя и Фернан Леже

Три с половиной года она была женой и другом великого мастера. В 1955 году Фернан Леже умер, оставив все наследство жене. Надя вернулась к Жоржу Бокье, и они вдвоем, два ученика и одновременно муж и жена, стали думать о том, как увековечить память своего учителя. За месяц до смерти Леже купил в Бьоте – маленьком городишке на юге Франции в нескольких километрах от берега Средиземного моря – небольшой дом. Надя решила, что именно здесь будет воздвигнут музей Фернана Леже. Художник оставил после себя огромное количество бесценных работ: картин, скульптур, барельефов, эскизов. Кое-что продали за немалые деньги и принялись за строительство здания.

В мастерской

В мае 1960-го состоялось торжественное открытие музея Фернана Леже под почетным председательством Жоржа Брака, Пабло Пикассо и Марка Шагала.

В этом светлом огромном здании монументальные работы Леже выглядят нарядно и празднично. Они могут кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но то, что они оптимистичны, излучают радость, – несомненно. Музей стал пользоваться популярностью. В 1967 году Надя Леже и Жорж Бокье передали музей со всеми работами и землю, на которой находится здание, в дар французскому народу...

Ольга Хохлова и Пикассо

Начало следующей нашей истории относится к 1917 году, когда в Париже гастролитовал с огромным триумфом Дягилевский балет, «Русские сезоны в Париже». Молодой художник Пабло Пикассо, будучи человеком невероятно одаренным, быстро и легко сходилась с талантливыми людьми любых профессий, любых национальностей. Так он подружился, в частности, с Дягилевым и со Стравинским. Но надо сказать, что помимо чисто творческого, здесь у Пабло Пикассо был еще и личный интерес. Ему очень нравилась молоденькая красивая танцовщица Ольга Хохлова. Она была, пожалуй, самая юная солистка, и ее очарование сразило художника наповал. Балет отправился на гастроли в Италию. И Пабло отправился вместе с балетом. Предлогом послужило то, что ему надо было писать декорации для следующей постановки Дягилева под названием «Парад».

Пикассо следовал за труппой в Неаполь, во Флоренцию. Кстати, в письмах из Италии он ни разу себя не выдал, ни разу не проговорился, что у него еще есть и любовная тайна. Он писал о том, как идет работа над балетом, о том, что здесь 60 русских балерин, и все они очаровательные.

Потом балет вернулся в Париж, состоялась премьера «Парада». Дягилевская труппа вместе с Пикассо отправилась в Испанию. Там «Парад» провалился, но для Пабло это уже не имело значения – он добился взаимности. Ольга тоже полюбила Пикассо, и было решено, что они поженятся. Русская православная церковь в Париже на улице Дарю за 134 года своего существования повидала многое. Кого здесь только не крестили, кого не венчали, кого не отпевали! В этой церкви 12 июля 1918 года состоялся обряд бракосочетания Ольги Хохловой и Пабло Пикассо. Служба была православная, хотя Пабло Пикассо – испанец и, следовательно, католик. Известно, что король Наварры Генрих IV был протестантом. Но в свое время, ради короны короля Франции, поменял религию, сказав свое знаменитое: «Париж стоит мессы». Очевидно, и Пикассо для себя решил, что Ольга стоит того, чтобы венчаться с ней не по католическому, а по православному обряду. Свидетелями со стороны жениха были Жан Кок-то, Марк Жакоб и Вильгельм Аполлинарий Костровицкий, известный более как Гийом Аполлинер, великий поэт Франции и Польши.

Свадьба была пышная, роскошная, и после нее молодые уехали в свадебное путешествие.

Потом супруги Пикассо возвращаются в Париж и снимают двухэтажную квартиру на шестом и седьмом этажах шикарного дома. На одном этаже располагается мастерская художника, а другой этаж отдается молодой русской жене Ольге. Но сразу же в двух квартирах намечаются два разных стиля жизни, «две разные планеты», как сказал об этом Марк Шагал.

Ольга Хохлова

Ольга – дочь царского полковника. Она хочет жить красиво, для нее это естественно. Ее квартира заполнена изящной мебелью, безделушками, к ней приходят элегантные гости. Ольга хотела создать своего рода «башню из слоновой кости». В России, на родине, в это время начался красный террор. Расстреляли царскую семью, разгорелась гражданская война. Белые и красные уничтожают друг друга. Возврат на родину исключен. Желание Ольги окружить себя мещанско-буржуазным красивым бытом вполне понятно.

А у Пикассо идет совсем другая жизнь, он работает, старается упрочить свое положение. При этом художник гордится красотой жены, любит появляться с ней на приемах. Ему нравится, что после годов бедности он обрел наконец материальное благополучие. Его творчество постепенно тоже меняется, он начинает работать в более классической манере, о чем говорят сделанные им портреты Ольги. В 1921 году рождается сын Поль. Пикассо обожал сына. Родители ревновали друг друга к ребенку и ссорились из-за этого.

Любимой темой художника в тот период стало материнство. Моделями служат Ольга и Поль.

Ольга была счастлива. Она мечтала, чтобы Пабло стал модным художником, принимал заказы и был любим министрами, правителями, торговцами живописью.

Но художнику-новатору такое существование было противопоказано, оно быстро ему приелось. Постепенно возникла трещина, которая становилась все больше и больше. Однако главной причиной охлаждения художника к своей русской жене послужило то, что Пикассо встретил новую музу, новую любовь, Мари Терез Вольтер. Ольга почувствовала: Пикассо стал менять художественный стиль. Кстати, это было присуще ему и потом: всякий раз, когда у него появлялась новая женщина, Пабло менял творческую манеру. Вот и теперь он перестал рисовать балерин, стал тяготиться знакомствами, которые навязала ему жена, сторониться русских эмигрантов. Ольга была в отчаянии. Она не знала, как предотвратить надвигающийся разрыв...

Ольга Пикассо с сыном. Рисунок Пикассо

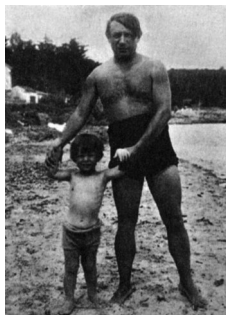
Когда Пикассо понимал, что любовь кончилась, он становился очень жестоким и непримиримым ко всему, что было связано с предыдущей любовью.

Ольга ударилась в религию, приходила в православную церковь, молилась. А Пикассо, подружившись с Элюаром и сблизившись с Арагоном, увлекся коммунистическим учением.

Противоположные идейные пристрастия усугубили и без того плохие отношения между супругами. Окончательный разрыв произошел в 1935 году. Они разъехались и стали жить отдельно. Пикассо мучился, так как скучал по сыну. Он хотел развода, а Ольга развода не давала. Может, это было связано с наследственными делами, может, имели значение религиозные или идейные мотивы. Сейчас трудно разобраться в этом...

Последние годы жизни Ольги были очень печальными. Из всеми уважаемой женщины, о которой писала светская хроника, она стала никем и ничем. Она ходила по набережной Ниццы, несчастная, одинокая. И нашла свое упокоение на кладбище в Каннах...

Казалось бы, всё об Ольге Хохловой-Пикассо, но у этой истории есть продолжение.

Пабло Пикассо с сыном Полем

Ольга с сыном

Что-то вроде эпилога. Нам было известно, что в Каннах живет Марина Пикассо, внучка Пабло и Ольги. Наша съемочная группа – ребята не ленивые – отправилась на юг Франции. И вот мы в Каннах перед виллой «Калифорния», где великий маэстро работал около десяти лет. Со мной беседовала хозяйка виллы – приветливая, славная женщина с умными глазами, доброй улыбкой и дивной фигурой. Лет ей было около сорока. Очень привлекательная и с чувством собственного достоинства. Одета элегантно, но скромно. Это и была Марина Пикассо. В соседней комнате играли пятеро детей разного возраста и национальностей. Замечательные картины, вазы, скульптуры украшали жилье. У Марины, дочери Поля, детство было трудное. Родители разошлись, причем, видно, расходились нехорошо. Марина была так травмирована этим разводом, что, несмотря на прекрасные внешние данные, не захотела выходить замуж. У нее двое детей, как она выразилась, «вне брака» и еще трое приемных ребятишек из Вьетнама! Они все носят ее фамилию, называют Марину мамой, и наследство всем пятерым детям, родным и приемным, поделено в равных долях. Надо сказать, что детство Марины было нелегким не только из-за родителей. Дедушка – великий и совсем-совсем не бедный художник – отказался оплачивать ее школьную учебу. На дальнейшее образование он средств тоже не дал, и она стала работать сиделкой при неизлечимых, тяжело больных детях-инвалидах.

Дальше следуют несколько фрагментов из моей беседы с Мариной Пикассо, которую мы тогда сняли на пленку.

Марина Пикассо с детьми

Эльдар Рязанов. Вы помните свою бабушку, балерину Ольгу Хохлову?

Марина Пикассо. Я часто вспоминаю о бабушке, хотя, когда она умерла, мне было шесть лет. Я очень ее любила и до сих пор постоянно думаю о ней. Она была прекрасной танцовщицей, но, к сожалению, не смогла полностью выразить себя. Потому что была вынуждена жить в тени гения. Она была без сомнения замечательной женщиной, и я души в ней не чаяла. Дед обожал ее и восхищался ею, но отношения быстро испортились, потому что мой дед не был верным мужем. А бабушка очень от этого страдала, и всё кончилось разрывом.

Надо сказать, она вдохновила его на прекрасные картины, в частности, на ее портреты, один из которых находится на этой вилле. Я помню, как бабушка приходила сюда нас навещать. Потом она заболела, и дальше уже идут грустные воспоминания. Мы с братом ходили к ней в больницу. Бабушку разбил паралич, и она очень страдала оттого, что больше не будет танцевать. Она утратила свою былую красоту и не хотела никому показываться в таком виде.

Мой отец под влиянием своего знаменитого отца сделал выбор. Он, по сути, отказался от матери. И вообще отошел от всего русского – чтобы угодить, доставить удовольствие отцу. И даже, когда бабушка заболела, продолжал игнорировать ее и никогда не навещал, очевидно, боясь гнева Пикассо. Она умерла очень одинокой.

В последние годы ее навещали только мы с братом. Каждый раз она нам была так рада...

Эльдар Рязанов. Ваша бабушка похоронена здесь, в Каннах. Бываете ли вы на ее могиле, ухаживаете ли за ней?

Марина Пикассо. Да, это единственная возможность общаться с ней, да и мой брат похоронен рядом, он очень любил ее в детстве.

Эльдар Рязанов. Я читал, что после смерти Пикассо последовала целая серия трагических событий. Чем это можно объяснить? Это случайное совпадение или над семьей висит какой-то рок?

Марина Пикассо. К сожалению, это не случайность. Смерть моего деда повлекла за собой цепь роковых происшествий для нашей семьи. Мой брат покончил с собой сразу после его смерти. Он хотел проститься с умершим дедом, но вдова Жаклин не пустила его. И брат покончил самоубийством. Мой отец умер потому, что очень тяжело переживал смерть своего отца и гибель сына. Потом повесилась Мари Терез Вольтер, бывшая возлюбленная Пикассо. Застрелилась Жаклин, вдова. И вся эта цепь катастроф доказывает, что, хотя гений вызывает восхищение многих людей, восторг публики, быть близким к нему опасно.

Эльдар Рязанов. А почему умер ваш отец? Это было следствием тяжелой болезни или случилось внезапно, произошел психологический надлом?

Марина Пикассо. Я думаю, он был несчастен с самого детства, поскольку никогда не был *Подем Пикассо* – он всегда был сыном Пикассо.

Эльдар Рязанов. Что вы испытали, когда на вас свалилось такое огромное наследство?

Марина Пикассо. Когда я была ребенком, моя семья была небогата. После кончины деда я сразу стала миллиардершей. Получив наследство, я решила посвятить себя двум задачам. Первая – сохранить наследие моего деда и достойно представлять то, что он создал. Вторая – это гуманитарная деятельность, которая мне кажется главной. Я усыновила троих вьетнамских детей. Двое из них умирали от истощения. Аустретьюго ребенка порок сердца. Мои усилия направлены на Вьетнам. Я основала там деревню, в которой живут примерно триста двадцать детей. Мы попытались создать для них семейную обстановку. В каждом доме живут несколько детей и «мама», чтобы возник семейный уют, чтобы у ребят не было чувства сиротства. Кроме того, мы построили начальную школу и медицинский центр.

Некоторые из наших воспитанников учатся в университете, другие, менее интеллектуальные, обучаются ремеслу. Мы не бросаем наших воспитанников. Когда они уходят из деревни, мы платим им стипендию, чтобы они могли устроиться в жизни.

Эльдар Рязанов. Марина, в вас четверть русской крови. Про русских говорят, что они более меланхоличны, чем другие, что им свойственно чувство ностальгии, они глубокие натуры. Ощущаете ли вы в своем характере, в себе русские национальные черты?

Марина Пикассо. Вы знаете, я говорю это не для того, чтобы доставить вам удовольствие, но я себя чувствую во многом русской. И хотя я не склонна к самолюбованию, мне очень нравится эта сторона моей натуры. Я часто мысленно обращаюсь к моей бабушке, всегда помню о ней. Явжизниочень сентиментальна и, как мне кажется, я славянка больше, чем на четверть...

* * *

Русские музы были очень разными. Многих из них объединяло то, что позади них была опаленная огнем Европа, жестокая русская революция, голодная Россия, красный террор, переходящий в сталинский. У них не было пути к отступлению, не было возможности вернуться. Некоторым из моих героинь присущи черты авантюризма, и не надо их за это осуждать. У некоторых несколько размыты моральные, нравственные критерии. Они часто бывали поставлены жизнью в безвыходные ситуации. Они все такие, какие есть...

Могу сказать только одно – они были личностями, богатыми и сильными натурами. Большинство из них сделали все для того, чтобы память об их избранниках осталась навечно. Душа у наших российских женщин великая, и французские гении не ошиблись в выборе любимых. Итак, следующая новелла об Эльзе Триоле.

Наши книги придут нам на помощь

«Родная моя Лиличка, дом куплен! Последнее время мы ничем другим не занимались, рыскали по окрестностям Парижа, не вылезали из машины, изнервничались до последней степени...

Отрицательная сторона дела: мы влезли в долги по горло. Положительная: Арагоша ожил, счастлив безмерно, горд, с утра до вечера мечтает и молит меня, чтобы я раз в жизни без экономии покупала для моего «кабинета» все, что мне нравится. Надеется, что красота письменного стола заставит меня снова писать...

Это мельница... В полном порядке, с необходимой мебелью. Четыре с половиной гектара земли, леса. Речка уходит под мельницу. Колесо снято, под галереей-комнатой стена с круглым окном, за которым льется водопадом вода – фантастика!

Вечером освещается, а когда надоедает, можно остановить, открыв шлюзы и отведя воду в сторону наружного водопада. Жилые комнаты на втором этаже...

Место редкостное по невероятности, красоте. Парк – просто лесной участок... »

Это отрывок из письма Эльзы Триоле в Москву сестре Лиле Брик от 25 июля 1951 года. Прошло сорок три года, и осенью 1994 года здесь, на мельнице в Сент-Арнуан-Ивелин, состоялось торжественное открытие музея и литературного центра Луи Арагона и Эльзы Триоле. Такова была их воля, изложенная в завещании. Открытие музея случилось через двадцать четыре года после смерти Эльзы и двенадцать лет спустя после кончины Арагона, случилось, несмотря на смены правительств с разными идеологическими установками, несмотря на отсутствие средств, несмотря на отсутствие детей, которые могли бы быть «толкачами» в этом деле. На церемонию открытия приехало около тысячи парижан – как говорится, цвет интеллигенции: писатели, журналисты, члены правительства, художники, композиторы, кинематографисты, политические деятели. На лужайках поставили палатки со столами для угощения. Ухоженный парк, с мостиками через маленькую речку – он же большой ручей – и с клумбами ярких осенних цветов, был полон людьми. Многие были знакомы друг с другом. Наша съемочная группа – мы оказались единственными представителями России – работала в тот период над телевизионной передачей об Эльзе Триоле. Почти все интервью были взяты именно здесь и именно в этот день. Я вел свой рассказ, снуя в толпе, бродя по парку и обращаясь иногда с вопросами к кому-либо из присутствующих на празднике...

...Эля Каган, дочка адвоката, специалиста по еврейским делам и авторским правам, родная младшая сестра Лили Юрьевны Брик, родилась в 1896 году. Семья была интеллигентная; дома музицировали, обсуждали новые книги, посещали театры. Мать прекрасно играла на рояле. Дом гостеприимный, открытый. Девочки росли в нежной, теплой атмосфере.

Эля Каган, младшая сестра Лили

Старшая сестра была очаровательна, за ней ухаживали, ей поклонялись, ее как-то сразу заметили мужчины. Все это происходило на глазах Эли, которая была еще девчонкой. В таких случаях на детей не очень-то обращают внимание, а они все замечают и впитывают.

Кстати, имя Эльза появилось позже, она сама стала себя так называть после отъезда за границу.

Вероятно, пример старшей сестры был заразителен. И младшая тоже не осталась равнодушной к мужскому полу. Несмотря на возникавшее иногда чувство соперничества, сестры нежно и горячо любили друг друга. Всю жизнь они переписывались, когда были в разлуке, поддерживали одна другую не только морально, но и материально: в трудные послевоенные годы в Париж отправлялись продукты, а в Москву – разные шмотки. Собранный В.В. Катаняном и изданный только что переписка сестер необыкновенно интересна и поучительна. Она в первую очередь рассказывает о сестринской любви и нежности.

То, что Лилия стала спутницей, музой, советчицей великого русского поэта Владимира Маяковского, сильно повлияло на Эльзу. Надо сказать, что Маяковского ввела в родной дом именно Эльза. Она была влюблена в него по уши, у них был роман. Думается, от этой юношеской любви она не могла избавиться до самой смерти. Но когда Маяковский увидел впервые Лилию, то забыл о младшей сестренке, обо всем. Началась ураганная любовь. Он, как писала потом Лилия Юрьевна, «напал на нее»... Так случилось, что старшая сестра стала счастливой соперницей младшей. Что испытывала в это время Эльза? По ее автобиографиче-

ской повести «Земляничка» можно восстановить настроение шестнадцатилетней девушки. Рефрен книги: «Никто меня не любит»...

«Я очень повзрослела за это лето. Ушел мой шестнадцатый год – говорят, самый лучший. Смотрю я, у всех есть пара, только у меня ее нет. Я никому не нужна и даже в большой компании всегда бываю одна!!!»

На самом деле это не так. Ухажеров немало, но они не интересуют девушку.

Когда на одном из вечеров у Бриков в 1916 году Василий Каменский, молодой поэт, сделал предложение Эльзе, она отказала, заявив: «Кто же в двадцать лет выходит замуж?» Не стану пересказывать события революционного 1917 года. Пал царизм, к власти пришли «крутые». Темная муть поднялась из глубин народа. Начинался хаос, террор, расправы. В студеную зиму 1918 года Эльза знакомится с сотрудником французской миссии Андре Триоле. Аполитичный, богатый, элегантно одетый, любитель женщин и лошадей, он быстро понял, что комфортно жить в охваченной ненавистью и огнем стране не удастся. И здесь ему подворачивается молодая хорошенькая барышня. Он делает ей предложение – выйти за него замуж и уехать. Эльза хочет вырваться из хаоса, крови, ужаса. Она отвечает согласием. Молодожены уехали из России, но не в Европу, а на далекий экзотический остров Таити, где некоторые старые люди еще помнили Поля Гогена.

Оттуда Эльза регулярно пишет в Россию и, в частности, одному из своих бывших ухажеров-отказников Виктору Шкловскому. Эти письма живо рисуют пейзажи, нравы и жизнь тропического острова. Одно из ее писем Шкловский показал Алексею Максимовичу Горькому. Тот отметил, что автор обладает литературным стилем и наблюдательностью. И посоветовал, чтобы Эльза написала книгу.

Эльза Триоле после замужества. Париж, 1925 год

Она еще раз прислала Шкловскому какие-то свои наброски, и Горький еще раз передал ей свои советы, как следует писать. В общем, Алексей Максимович в какой-то степени стал ее заочным учителем.

Ее первая книга-роман «На Таити» была издана в России в 20-х годах.

Эльза и Андре Триоле на острове Таити

Однако семейная жизнь не заладилась. Муж относится прохладно к молодой жене, не интересуется ничем, кроме скачек и лошадей. Он заводит романы налево и направо. И после года жизни с ним Эльза разрывает этот брак. Андре Триоле, сын богатых родителей, оказывается добрым человеком и отваливает бывшей жене приличную сумму, чтобы ей было некоторое время на что жить. В Советскую Россию, где полыхает Гражданская война, Эльза Триоле возвращаться не намерена. Она перебирается в Лондон, под мамино крылышко – Елена Юрьевна Каган работала тогда в советской торговой фирме «Аркос». Потом Эльза оседает в Париже. Она поселилась в маленькой гостинице «Истрия», которая сохранилась до сих пор и мимо которой наша телевизионная группа не прошла. Кое-что из жизни Триоле я рассказывал около этого отеля, расположенного на улице Кампань-Премьер. Гостиница была увешана множеством мемориальных досок, напоминающих о великих постояльцах. Среди них, разумеется, был упомянут и Маяковский. Здесь же всегда останавливалась и Лиля Брик, когда навещала Париж. Эльза Триоле в Париже была всегда для Маяковского своеобразной «палочкой-выручалочкой». Когда он приезжал, то не отходил от нее. Она была и гидом, и переводчицей, и другом, и помощником. И Эльза тоже при нем как-то расцветала. Думайте по этому поводу что хотите...

Портрет Эльзы Триоле работы Анри Матисса. Ноябрь 1946 г.

Париж 20-х годов был наводнен русскими. В кино, живописи, в литературе, балете мелькало множество русских имен. Выходцы из России вели богемный образ жизни, ютились в мансардах, без денег. Роль монпарнаских кафе в судьбе русской эмиграции огромна. Здесь встречались писатели, художники, поэты, обсуждали новости, ждали падения большевистского режима, работали. Возникали жаркие дискуссии, споры. Кстати, Илье Эренбургу направляли письма, скажем, с таким адресом: «Париж, кафе «Куполь», самому непричесанному господину». И письма, как ни парадоксально, доходили. Несколько кафе были расположены близко друг от друга: кафе «Ротонда», кафе «Селект», кафе «Куполь» и кафе «Клозери де Лиля». Здесь проводили много, очень много времени.

Прочитую Илью Эренбурга, который, сидя в кафе, писал свои книги: «Внешне «Ротонда» выглядела достаточно живописно: и смесь племен, и голод, и споры, и отверженность (признание современников пришло, как всегда, с опозданием)... Поражала прежде всего пестрота типов, языков – не то павильон международной выставки, не то черновая репетиция предстоящих в будущем конгрессов мира»... Вот только несколько фамилий из длинного списка, который приводит Эренбург: Аполлинер, Кокто, Леже, Вламинк,

Пикассо, Модильяни, Диего Ривера, Шагал, Сутин, Ларионов, Гончарова, Архипенко, Цадкин...

Эльза влилась в этот мир, но она не удовлетворена той жизнью, которую ведет. В «Незваных гостях» она пишет о «...несчастьи людей, которые живут не там, где они родились... не иметь корней... быть срезанным растением... это всегда заведомо подозрительно, как татуировка на теле человека, у которого неприятности с полицией».

Случайные любовные связи, которые, вероятно, были у нее, как у любой молодой женщины, не удовлетворяли ее честолюбия. Книжки ее, изданные в Москве, большого успеха не имели. И тут наконец происходит событие, которое предопределило всю ее дальнейшую жизнь: в кафе «Куполь» она увидела Луи Арагона, молодого, красивого, элегантного.

Арагон в это время был опален неудачной любовью. У него был роман с Нанси Кюнар, дочерью богатейшего человека. Арагон ездил за ней по всему свету. Нанси сорила деньгами, прожигала жизнь, кутила. И в конечном итоге предпочла Арагону какого-то негритянского джазиста. Именно в этот момент он встречается с Эльзой. Вскоре начнется новая жизнь, как для нее, так и для него. Эльза навела о нем справки и узнала, что он – незаконный сын французского аристократа и уже довольно известный поэт-сюрреалист. В следующий раз она увидела его в кафе «Клозери де Лиля». И здесь произошло знакомство.

Добросовестность нашей съемочной группы не имеет границ. Разумеется, рассказ об их знакомстве велся из кафе «Клозери де Лиля». За каким из этих столиков произошло судьбоносное событие, к сожалению, мы сейчас не знаем. Но вот как лихо описывает эту встречу французский журналист и писатель Гонзаго де Сен-Бри, один из авторов книги о русских музах художников и писателей Франции:

«Эльза Триоле в Париже. В ее жизни нет мужчины. У нее нет денег, у нее нет друзей. Она одинока и живет в маленькой комнатке в гостинице «Истрия» на улице Кампань-Премьер. Она в отчаянии, она только что развелась с французом Триоле (на самом деле семь лет назад. – Э.Р.), она хочет покончить с собой. Однажды она идет в «Куполь». И там видит великолепного мужчину: шляпа заломлена назад, трость с драгоценным набалдашником, плащ, накинутый на плечи. Она спрашивает: «Кто это такой?» Ей говорят: «Это Арагон – поэт». Два дня спустя она снова встречает его в «Клозери де Лиля». Тогда она решается спросить: «С кем он?» Ей отвечают:

Так выглядел к моменту встречи с Эльзой молодой французский поэт Луи Арагон

«Вон с той хорошенькой длинноволосой брюнеткой». (Очевидно, брюнетка сидит в стороне, не рядом с Арагоном. – Э.Р.) Она садится напротив этой девушки и говорит: «Ну что? Ты спишь с Арагоном?» Несколько удивленная (еще бы! – Э.Р.) девушка отвечает: «Да, он хороший любовник. (О, откровенность французов! – Э.Р.) Но главное, с ним я узнаю много нового. Он интереснейший человек». Эльза спрашивает ее: «У тебя есть другие мужчины в Париже?» Та отвечает: «Париж – прекрасный город, тут полно мужчин». Тогда Эльза пристально смотрит своими пронзительными глазами на девушку и говорит: «Для тебя он ничего не значит. Для меня он все! Уходи!» (Здорово, знай наших! – Э.Р.) Она подходит к Арагону и крепко целует его в губы. Это поцелуй навеки!»

Сия крутая версия была рассказана с убежденностью и пафосом очевидца...

Перенесемся снова на мельницу в Сент-Арну-ан-Ивелин в 1994 год и побеседуем с писательницей Лили Марку, которая посвятила три года жизни изучению биографии Эльзы Триоле и только что выпустила о ней книгу. Мы уединились в кабинете Эльзы, ибо на лужайке шумела большая толпа гостей. Праздник открытия музея продолжается.

Лили Марку. «Конечно, она не стала сразу его целовать. Вы знаете, они сами всегда рассказывали об этой встрече с волнением. И даже сами создали некую легенду о том, как это случилось. Не думаю, что тогда они воспринимали эту встречу как нечто важное и окончательное.

Я не считаю Эльзу авантюристкой. Эта женщина оторвалась от родины и еще не прижилась во Франции. У нее был неудачный первый брак. Она всегда чувствовала себя несчастной, бедной и одинокой. Хотя очень много мужчин были в нее влюблены и просили

ее руки. Роман Якобсон, Виктор Шкловский, может быть, и другие. Я знала от дочери лучшей подруги Эльзы, которая живет в Москве, что Эльза всегда говорила: «Я хочу выйти замуж за француза, поэта и красавца». Таковы были ее девичьи мечты.

Арагон был поэтом, правда, он не был еще знаменит, но уже написал несколько значительных произведений. Он был очень красив и был французом. Конечно, человеком, которого она любила больше всех, был Маяковский. И, потеряв его, она эмигрировала. Я уверена, что она покинула родину, которую так любила, не из-за революции, а потому, что ее сестра отняла у нее Маяковского.

Она любила его до самой смерти. Что не мешало ей любить и Арагона. Но поскольку она потеряла Маяковского, ей никто не был нужен, кроме французского поэта-красавца. Такого же красивого, как Маяковский. Хотя Арагон и не был на него похож. Но был по-своему очень красив».

В вечер знакомства 6 ноября 1928 года, после ужина, галантный Арагон проводил Эльзу в отель «Истрия»... А наутро влюбленные Эльза и Луи, спускаясь к завтраку, столкнулись лицом к лицу с Маяковским. Он только приехал и остановился, как обычно, в знакомой гостинице. Так произошла первая встреча двух великих поэтов России и Франции. Я уже упомянул о мемориальных досках около входа в «Истрию». На одной из них выбиты строчки из поэмы Арагона:

«Все изменилось для меня, когда ты появилась в гостинице «Истрия» на улице Кампань-Премьер.

Это было в 28-м году в полуденный час. С тех пор для меня не существует Париж без Эльзы... »

Лили Марку. Я думаю, что присутствие Маяковского в Париже и то, что он был «зятем» Эльзы, сильно повлияло на начало их любви. Это завораживало Арагона. Сейчас забыли, что представлял из себя Маяковский для поэтов-сюрреалистов во Франции.

Кроме того, Арагон в молодости вел довольно беспорядочную жизнь: богема, вино, много женщин. А Эльза прекрасно представляла, что такое работа и дисциплина. Она ввела эти понятия в жизнь их семьи. Это оказалось очень трудно, особенно вначале. Они часто были на грани развода.

Лили Марку. «Я всегда акцентирую внимание на огромной роли Эльзы, которая смогла упорядочить жизнь этого гения. И в интеллектуальном, и в духовном плане. Эльза просто спасла его. Их друзья говорили мне, что без нее он бы покончил жизнь самоубийством. Как и многие другие сюрреалисты.

Арагон не сразу начал писать любовную лирику, посвященную жене. Роман начался в двадцать восьмом году, а писать любовные стихи, посвященные Эльзе, он начал в сороковом. Во время войны родилась поэма «Глаза Эльзы». Это нетипично для поэта. Обычно стихи возникают в начале, на старте любви.

Ты в ноябре пришла и вдруг исчезла боль, —

писал влюбленный стихотворец.

А в поэме «Неоконченный роман», которая написана, кстати, в пятьдесят шестом году, то есть они уже прожили двадцать восемь лет вместе и Эльзе уже шестьдесят, вдруг пишутся такие строчки:

То, что Маяковский был «зятем» Эльзы, сильно повлияло на Арагона. Сейчас уже забыто, что значил в то время Маяковский для французских сюрреалистов

Ты подняла меня, как камешек на пляже,
Бессмысленный предмет, к чему – никто не скажет.
Как водоросль на морском прибое,
Что, изломав, земле вернуло море,
Как за окном туман, что просит о приюте,
Как беспорядок в утренней каюте,
Объедки после пира в час рассвета,
С подножки пассажир, что без билета.
Ручей, что с поля зря увел плохой хозяин,
Как звери в свете фар, ударившем в глаза им,
Как сторожа ночные утром хмурым,
Как бесконечный сон в тяжелом мраке тюрем,
Смятенье птицы, бьющейся о стены,
След от кольца на пальце в день измены...

Лили Марку. Эльза и Арагон жили очень бедно в первые годы своей жизни. Те несколько произведений Арагона, которые были опубликованы, не могли принести много денег. Чтобы несколько облегчить положение семьи, Эльза изготавливала свои знаменитые бусы. Теперь их можно увидеть в некоторых музеях. Эти бусы пользовались успехом. Архитектор по образованию, Эльза прекрасно рисовала и обладала тонким вкусом.

Самое забавное, что продавать бусы ходил Арагон, к тому времени уже довольно известный писатель. Рано утром он выходил из дома и нес эти бусы оптовикам в бутики высокой моды, где все его презирали и называли «Триоле».

Эльдар Рязанов. Лили, а как вы оцениваете упреки и обвинения, что именно Эльза втянула Арагона в коммунистическое движение, втащила его в компартию, что благодаря ей он стал признанным поэтом французских коммунистов? А сама при этом оставалась в тени и в компартию не вступила...

Лили Марку. Арагон стал коммунистом в двадцать седьмом, то есть за год до знакомства с Эльзой. Но тогда это еще не стало его окончательным выбором. Он целиком посвящает себя партии с тридцать второго года, когда выходит из группы сюрреалистов и уезжает на год в Москву, чтобы работать в Коминтерне.

Арагон впервые приехал в Россию уже после самоубийства Маяковского и стремился поддержать Лилию в ее горе. Он был незаконнорожденным, а тут попал в русскую семью. Вы представляете, что это для него значило? В этом кругу была особая атмосфера. Для друзей Лили и ее тогдашнего мужа Виталия Примакова революция являлась смыслом жизни.

Ведь и сам Маяковский говорил: «Это моя революция!» Революционная атмосфера захватила Арагона, и он окончательно примкнул к коммунистам.

Эльдар Рязанов. А как Арагон относился к Эльзе как к французской писательнице? Высоко ли он ставил ее произведения? Помогал ли ей, правил ли рукописи, подсказывал ли темы? Или она была совершенно самостоятельна?

Лили Марку. Эльза посвятила совершенствованию своего французского литературного языка десять лет. Арагон даже не знал, что его жена пытается писать по-французски. Она сохранила полную тайну. Когда Эльза показала ему рукопись своей первой книги на французском, Арагон был восхищен.

Книга ему действительно очень понравилась. Известно, какую ревность испытывают друг к другу супруги-писатели. Вечные споры о том, кто и когда будет творить. Ведь невозможно писать одновременно. Арагон всегда был выше этого, наоборот, он всячески поощрял Эльзу, всегда внимательно читал ее рукописи, иногда даже правил их. Он всегда держал руку на пульсе ее творчества.

Первая ее книга на французском, «Добрый вечер, Тереза», – сборник рассказов. Сначала Эльза не решалась взяться за роман. Затем она написала свои воспоминания о Маяковском. Ее отношение к этому произведению было очень трогательным, она неоднократно подчеркивала, что это не просто очередная книга. Публикация воспоминаний имела для нее огромное значение. И личное в том числе...

В 1939 году началась война. Немецкие войска вторглись во Францию. Арагона на следующий же день призвали в армию. Он сразу попросился на фронт и попал в танковую дивизию. За Эльзой следили шпики, в их квартире проводились обыски. Арагон отступал вместе с дивизией, через Дюнкерк попал в Англию, потом через Брест вернулся на французский берег.

В конце июня 1940 года Эльза и Арагон буквально чудом нашли друг друга в так называемой *Zone libre* (свободной зоне). То есть в той части Франции, которая не была оккупирована фашистами.

Эльза в письме Лиле Брик пишет (уже после войны): «Жили мы тогда еще легально, Арагошу было неловко сажать, т.к. с фронта он вернулся героем, весь в орденах, а героев тогда было мало...»

На нелегальное положение они перешли в ноябре 42-го, когда итальянские фашистские войска оккупировали Ниццу. Арагонов переправили через демаркационную линию. Тут их схватили немцы и посадили. Конечно, им очень повезло – немцы их не опознали: ведь Эльза – еврейка, а Арагон – коммунист. Смерть была рядом. Но Эльзу и Арагона продержали

десять дней как бы для острастки. Потом выпустили. Движение Сопротивления подыскало им домик в деревне, откуда они два-три раза в месяц выезжали в Париж, Лион, в другие города. Арагон выпускал нелегальную газету «Les Etoiles» и основал подпольное издательство «Французская библиотека». Эльза помогала Арагону и написала несколько книг. Военное время стало для нее мощной писательской школой. Она выпустила сборник рассказов «Тысяча сожалений», роман «Конь белый» и повесть «Авиньонские любовники». В самом конце войны вышел еще один сборник новелл, озаглавленный: «За порчу сукна – штраф двести франков». Эта фраза, взятая из объявлений, висевших во французских билльярдных, служила паролем для соратников де Голля. Произнесенная по радио, она означала, что высадка союзников началась, и голлисты должны переходить к активным выступлениям. Вот что Эльза сообщала в письме сестре:

«Если б не писанье, я бы, кажется, руки на себя наложила, так временами бывало трудно и тяжело. Я очень пристрастилась к этому делу, оно заменяет мне друзей, молодость и много чего другого, чего не хватает в жизни... Арагоша стал совсем знаменитым, за эти годы вышло два романа и несколько томов стихов (легально и нелегально). Партизаны его чтут и любят, только его стихи и читают, публика своя и чужая принимает, как принимали Володю. Пишет он все лучше и лучше...»

Жили голодно, вылазки из деревни были опасными, но больше Арагоны в руки фашистам не попадались. Они вернулись в освобожденный Париж 25 сентября 1944 года. За годы, что их не было, дома, несколько обысков провели гестаповцы, да и французская полиция тоже наведывалась регулярно. Дом был разгромлен, но они были счастливы, что кончается война, что они снова дома.

3 июля 1945 года Эльза Триоле получила Гонкуровскую премию за книгу «За порчу сукна – штраф 200 франков». Это было безоговорочное признание ее как французской писательницы

А 3 июля 1945 года Эльза получила Гонкуровскую премию за книгу «За порчу сукна – штраф двести франков». Это было полное безоговорочное признание ее как французской писательницы.

«Сегодня во всех без исключения газетах моя физиономия на первой странице и столько цветов, что ни встать, ни сесть...» – тоже из письма Лиле Юрьевне.

Началась мирная жизнь. Случались и поездки в Москву. Сестры наконец получили возможность видаться. Эльза живет активной литературной жизнью. Сочиняет прозу на французском, переводит с русского, участвует в написании сценария для постановки совместного фильма «Нормандия – Неман». Ее соавторами стали Константин Симонов и Шарль Спаак, режиссером фильма был Жан Древилль. Это сценарий о дружбе французских и советских летчиков во время войны, о французской эскадрилье, которая воевала против немцев на советской территории.

Лили Марку. На протяжении всей своей жизни Эльза стремилась как можно глубже познакомить Францию с Маяковским. Рассказать еще и еще раз о своей молодости, о своей дружбе с великим поэтом.

Эльдар Рязанов. Эльза очень много сделала как переводчик. Она переводила пьесы Чехова, составила антологию русской поэзии от Пушкина до Вознесенского. Это был титанический труд, ведь она очень многих поэтов привлекала к переводам.

Лили Марку. Да, она занималась переводами до самой смерти. Она стремилась донести до французов великую русскую культуру.

Эльдар Рязанов. А как они переживали разочарования в коммунистических идеях? После пятьдесят шестого года, когда были опубликованы материалы о злодеяниях Сталина? После вторжения советских войск в Чехословакию? Я знаю, что Эльза писала сестре: «... мы не были фальшивомонетчиками, но мы, сами того не подозревая, распространяли фальшивые монеты...»

Лили Марку. В пятьдесят втором году они в Москве. И там испытывают шок. Это дело врачей, антисемитизм. Тогда у Арагона случается первый сердечный приступ. Думаю, не из-за больного сердца, а потому что он понимает, что всю жизнь поддерживал страшный и лицемерный режим.

Тогда, с зимы пятьдесят второго – пятьдесят третьего года, он начинает критиковать советские порядки, еще до смерти Сталина. И все-таки до своей последней минуты Арагон остается коммунистом, членом Центрального Комитета Французской Компартии. В то же время, насколько позволяли силы, – ведь он был уже и стар, и болен, – он протестует против преследований Шостаковича, Солженицына, способствует освобождению кинорежиссера Параджанова (Параджанов был освобожден после визита Арагона к Брежневу. Писатель ради этого специально приехал в Москву. – Э.Р.), делает все, что в его силах.

Но ничто не отвратило его от выбора, сделанного в двадцать седьмом году. В то время как Эльза полностью отеклась от коммунизма. Впрочем, она никогда и не была членом компартии, ни советской, ни французской.

Эльза Триоле и Луи Арагон на своей любимой мельнице в Сент-Арну-ан-Ивелин

Когда Арагон резко осудил советское вторжение в Чехословакию, он понимал, что в Советском Союзе у него заложники – Лилия Брик и ее муж Василий Абгарович Катанян. Но Лилия Брик написала Арагону, развязывая тем самым ему руки:

«Арагошенька! Прошу тебя совсем не думать о нас (мы уже старые), о том, что твои высказывания могут отразиться на нас.

Делай ВСЕ так, как ты считаешь нужным. Мы этому будем только рады.

Все мы достаточно долго были идиотами. Хватит!.. »

(Письмо от 7 ноября 1968 года)

В 60-х годах в Советском Союзе началась по распоряжению главного идеолога страны Суллова травля Лили Брик. Маяковского «очищали» от еврейского окружения Бриков. В прессе появлялись лживые статьи, фальсифицированные фотографии (с фотографий вытравляли изображения Лили Брик), из сочинений Маяковского убирались посвящения Лиле Брик. Все напоминало известный исторический анекдот про Сталина и Крупскую. Сталин был недоволен самостоятельными высказываниями Надежды Константиновны Крупской и, встретив ее в коридоре, сказал: «Если вы и впредь будете вести себя так же, мы подыщем Ленину другую вдову!» И Крупская больше не открывала рта. Так и Маяковскому подыскивали другую «музу» – Татьяну Яковлеву... Арагоны тяжело переживали гонения на близких, лишней раз убеждаясь в чудовищной сути советского строя...

Лили Марку. Эльзу и Арагона очень огорчало то, как поступали с памятью Лили. Вырезали ее из фотографий, убрали посвящения ей. Арагон говорил: «Я не хочу, чтобы такое произошло во Франции с Эльзой». Он всегда думал, что умрет первым. Именно поэтому они

создали совместное сорокадвухтомное (!) собрание сочинений. Во многом из-за того, что произошло в России с Лилей и Маяковским...

На празднике открытия музея присутствовала и Эдмонда Шарль Ру – легендарная женщина. (О ней надо рассказать особо.) Родилась она в 1923 году в аристократической семье. Ее предки – отец, дядя – были известными дипломатами. В 1939 году, когда началась война, девушке было 16 лет. Она ушла на фронт санитаркой. За военные подвиги награждена боевыми орденами Франции. Потом работала с прославленной Коко Шанель, демонстрировала на подиуме сногшибательные туалеты (она была красива и обладала высокой стройной фигурой), трудилась корреспондентом знаменитого модного «ELLE», главным редактором журнала «Vogue», стала писательницей. Ее роман «Прощай, Палермо» удостоен высшей литературной награды Франции – Гонкуровской премии.

Она была последней любовью знаменитого французского генерала, крестника Максима Горького Зиновия Пешкова. И сейчас, в свои 70 лет, она красива и обаятельна. Она была близким другом Эльзы.

Эдмонда Шарль Ру. Необычное желание соединить в одном собрании сочинений произведения двух разных писателей лучше всего можно объяснить словами самой Эльзы, начертанными на ее могиле: «Наши книги не позволят разлучить нас после смерти».

Эльдар Рязанов. Я знаю, что вы были другом Эльзы и Арагона и сделали немало, чтобы открылся этот музей, этот литературный центр. Я поздравляю вас и всех почитателей литературы и поэзии с радостным событием, которое происходит сегодня.

Эдмонда Шарль Ру. Благодарю. В честь открытия этого музея во Франции провозглашены дни поэзии. Но я была не одинока во время осуществления этого проекта. Целая группа друзей Арагона начала работать над ним сразу после смерти поэта. Надо сказать, что мы встретили понимание со стороны правительства, будь то правые или левые, которые сменяли друг друга в течение всего этого времени.

Эльдар Рязанов. Арагон и Триоле не принадлежат какой-либо партии, они принадлежат Франции.

Эдмонда Шарль Ру. А Эльза, в первую очередь, принадлежит России. Она была русской и никогда об этом не забывала. Достаточно посмотреть на ее комнату, где на стенах развешаны русские гравюры, на огромное количество русских книг. Она была русской до глубины души.

Эльдар Рязанов. И при этом смогла стать французской писательницей?

Эдмонда Шарль Ру. Да, да, и это чудо! Она была совершенно самостоятельным писателем, Арагон ее не вытягивал. У нее была своя огромная аудитория. Я присутствовала при том, как Эльза подписывала свои книги многочисленным почитателям. Она входила в число наиболее издаваемых и продаваемых французских писателей.

Эльдар Рязанов. Скажите, на творчество Арагона Эльза как-то влияла своими сочинениями, своими мыслями, идеями?

Эдмонда Шарль Ру. Арагон всегда подчеркивал, что Эльза больше влияла на него, чем он на Эльзу. Мне кажется, их совместное сорокадвухтомное собрание сочинений говорит об их огромной творческой близости.

Арагон еще до войны выучил трудный русский язык из ревности. Ему не нравилось, когда с его женой, его возлюбленной, говорили о чем-то, а он этого не понимал. Он выучил язык в два месяца. Это говорит и о силе его любви, и о ревнивом характере.

Писательский «тандем»

Эльза Триоле и Арагон были, конечно, уникальным явлением как супружеская пара. Они прошли рука об руку всю свою жизнь. Они были товарищами, друзьями, единомышленниками, литературными соратниками, просто любовниками, мужем и женой. Подобное сочетание встречается крайне редко. Всемирно известной стала поэма Арагона, написанная в 1942 году во время Сопротивления, которая называется «Глаза Эльзы». Здесь любовная лирика сплелась с патриотизмом, с борьбой против фашизма. Популярность этой поэмы была такова, что появились даже духи «Глаза Эльзы».

Если мир сметет кровавая гроза
И люди вновь зажгут костры в потемках синих,
Мне будет маяком сиять в морских пустынях
Твой, Эльза, дивный взор, твои, мой друг, глаза...

Лили Марку. Доказательством огромной роли Эльзы в жизни Арагона является то, что произошло после ее смерти в семидесятом году. Арагон вернулся к тому образу жизни, который он вел во времена своего увлечения сюрреализмом. Хотя, конечно, он никогда не забывал ни Эльзу, ни Лилию, ни Маяковского, ни Москву. Просто он был очень несчастлив после смерти жены и, чтобы отвлечься от этого горя, чтобы не покончить с собой, вернулся к образу жизни своей молодости.

И действительно, Арагон, если можно так выразиться, пустился во все тяжкие. Сдерживающего его бурную натуру человека не стало. Он устраивал загулы, в его жизни появились мальчики, он к концу жизни сменил сексуальную ориентацию. Лишенный опоры в лице Эльзы, ужаснувшийся тому, что всю жизнь поддерживал «империю зла», он записал грустные признания в «Вальсе прощания» в 1972 году: «Конец конца моей жизни. И пусть не напевают мне, как была она великолепна, пусть не полощут меня в лохани моей легенды. Моя жизнь – страшная игра, в которой я проиграл. Я испортил ее с начала до конца».

Вот отрывок из любовной поэмы Арагона «Глаза Эльзы»:

«...Мне будет маяком сиять в морских пустынях Твой, Эльза, дивный взор, твои, мой друг, глаза...»

Один из его «мальчиков» – Жан Риста, ставший его литературным секретарем, получил после смерти Арагона в наследство все: и квартиру на улице Варрен в Париже, и мельницу, и бесценные живописные полотна, и семейные драгоценности Эльзы, которые ей дарила Лиля, и авторские права на все произведения Триоле и Арагона. Я разыскал его на празднике в толпе и взял у него небольшое интервью.

Эльдар Рязанов. Жан, я вас поздравляю с сегодняшним праздником. Понимаю, что в том, что он состоялся, немалая доля вашего труда.

Жан Риста. Я познакомился с Эльзой и Арагоном в шестьдесят пятом году. И тесно общался с этой семьей в течение пяти-шести лет. Именно мне довелось присутствовать при последних минутах поэта в восемьдесят втором году. По сути, моя заслуга, которую вы так любезно отметили, состоит в том, что я исполнил последнюю волю покойного поэта.

В своем завещании он оставил мне некоторые поручения, которые мне и удалось благополучно выполнить.

Эльдар Рязанов. А в наши дни Арагон и Триоле по-прежнему популярные писатели? Их во Франции читают так же, как раньше? Или все-таки есть спад?

Жан Риста. Отнюдь. Их читают как никогда. В последние годы интерес к творчеству обоих значительно повысился. Никогда во французской прессе, да и в европейской, не появлялось такое количество статей, посвященных Арагону и Эльзе. Мне это кажется совершенно естественным. Потому что они работали на будущее.

Эльдар Рязанов. Как вы относитесь к тому феномену, что женщина из России стала французской писательницей?

Жан Риста. Это действительно феномен. Я думаю, она стала французской писательницей из-за любви... Вы знаете, почему мы находимся сейчас на мельнице Сент-Арну-ан-Ивелин? Мне, как наследнику Эльзы и Арагона, нужно было выбрать, что сохранить – их квартиру в Париже на улице Варрен или мельницу. И я выбрал это место. Не только потому, что здесь находятся могилы обоих, но и потому, что Арагон купил это место специально, чтобы Эльза владела кусочком французской земли. И сегодня мы должны помнить, что собрались на земле Эльзы...

Эльза Триоле завещала похоронить себя в нескольких десятках метров от любимой мельницы, на холме, откуда открывается дивный вид. С холма видны далекие поля. Дом – бывшая мельница, речка, текущая по участку и проходящая через жилые апартаменты, мостики через речку и цветочные клумбы. Арагон выполнил просьбу жены. На похороны он пригласил опального тогда в Советском Союзе великого Мстислава Ростроповича, который

играл печальные, страстные, траурные мелодии. Вскоре Арагон воздвиг над могилой Эльзы памятник, на котором были начертаны ее имя и даты рождения и смерти: «1896—1970». А рядом, на том же камне, было выбито: «Луи Арагон. 1897—...» После смерти его должны были положить рядом с Эльзой. Он приготовил место и для себя. В 1982 году супруги вновь соединились...

Вечерело. Гости разъехались с праздника. Рабочие складывали палатки, где угощалась интеллигенция. Столы и стулья грузились в фургоны. Мусорщики подбирали с газонов бумажные стаканчики, бутылки, обрывки бумаги. Темнота надвигалась. Лишь в одном из окон мельницы горел свет. Мы молча стояли над могилой Эльзы и «Арагоши». Откуда-то издалека, будто по заказу, доносился еле слышный колокольный звон. Почему-то было очень грустно. Приходили мысли о тщете жизни, о бессмысленности суеты. А на могильной плите были высечены слова Эльзы:

«Мертвые беззащитны. Но если нас попытаются разлучить после смерти, наши книги придут к нам на помощь».

«Я хотела написать, почему Володя умер в сорок два года...»

Небольшой французский городок Мезон-Лафит находится в тридцати минутах езды от Парижска. Так Владимир Высоцкий любил называть прекрасную столицу Франции. Я не случайно вспомнил о Владимире Семеновиче. Ибо в Мезон-Лафите живет Марина Влади, знаменитая актриса Франции.

Старшее поколение наших читателей помнит Марину Влади как замечательную «Колдунью» из франко-шведского фильма, поставленного по повести Куприна «Олеся». Тогда Марина Влади буквально ворвалась в нашу жизнь.

В те годы многие наши девушки стали копировать ее прически и ее пластику. Загадочная, с таинственным прищуром глаз блондинка действительно очень многих сводила с ума. А для людей среднего поколения Марина Влади – жена нашего великого поэта, певца, актера Владимира Высоцкого.

Сейчас у нее третий период, я бы его назвал «поствысоцкий». Об этом мы знаем значительно меньше. Я хочу, чтобы вы получили представление о Марине Влади не только как о жене Высоцкого, не только как о русской, живущей во Франции, а как о крупной актрисе французского кино. Вы, верно, знаете, что она русского происхождения. Что «Влади» – ее псевдоним сокращенное от Владимировны. Вообще-то она Марина Владимировна Полякова.

Мы звоним в калитку. Открывает сама Марина. Мы входим на лужайку перед красивым двухэтажным домом. Прыгают, гавкая, три дружелюбных пса. Здравуемся с хозяйкой, обмениваемся приветствиями. Я дарю Марине Владимировне видеокассеты с моей четырехсерийной телепередачей о Высоцком, которая вышла еще в январе 1988 года, свою книгу о нем, пластинки. Разговор начинается сразу же, мы перескакиваем с темы на тему, не закончив одно, переходим к другому. Я напоминаю ей о том, как для съемок в моей четырехсерийной телепередаче она специально прилетела из Парижа в Москву. Сначала я расскажу о той, нашей первой беседе...

Я думал тогда, что смогу снять ее в квартире, где она прожила с Володей последние пять лет. Но Марина наотрез отказалась даже войти в бывший свой дом, и мы снимали интервью с ней в том же самом здании, но в другой квартире, а именно в квартире кинорежиссера Александра Митты. Причем Марина очень беспокоилась, чтобы зрители не подумали, будто съемка произведена в ее бывшем жилище, и просила, чтобы из передачи было бы понятно: снимали в другом месте. Снимая эту четырехсерийную программу, я встречался тогда со многими друзьями и родными Высоцкого, окунулся в его окружение, и меня глубоко огорчил раздор, расстроили распри, раздирающие людей, которых Володя любил. Когда я думаю об этом, у меня перед глазами он сам. Как бы посмотрел на всю эту возню вокруг его имени, что бы подумал, как бы отнесся к этому, что близкие ему люди порочат друг друга, зачастую не выбирая выражений? И как только они не могут понять, что подобными действиями играют на руку обывателям, недругам Высоцкого, оскверняя тем самым память поэта...

Мой первый разговор с Мариной Влади произошел еще в марте 1986 года, когда я приезжал в Париж на премьеру «Жестокого романса». Тогда я еще не получил разрешения делать передачу о Высоцком, но хотел использовать свой приезд во Францию и снять там интервью с вдовой поэта, так сказать, впрок. Однако ничего не вышло: через полчаса после нашего телефонного разговора она должна была улетать в Белград на съемки. Но я договорился с Мариной, что она ради интервью специально прилетит в Москву.

И вот осенью 1986 года мы расположились в квартире, гостеприимно предоставленной нам Александром Миттой. Прошло шесть лет после ухода Володи. Сначала, дорогой читатель, я напомним о той нашей беседе...

Эльдар Рязанов. Марина, я рад вас видеть в Москве и признателен вам за то, что вы откликнулись на наше приглашение и прилетели специально для того, чтобы принять участие в передаче, посвященной Володе Высоцкому.

Марина Влади. Я думаю, это естественно...

Эльдар Рязанов. Скажите, пожалуйста, когда вы с ним познакомились, и как это произошло?

Марина Влади. Я была в театре на Таганке...

Эльдар Рязанов. Как зритель?

Марина Влади. Как зритель, да. Я смотрела «Пугачева», он играл Хлопушу. И мне про него говорили много, про актера, про певца.

Эльдар Рязанов. А песни какие-то вы уже слышали до этого?

Марина Влади. Я слышала одну песню про кроликов и алкоголиков, там женщина хочет быть похожей на Марину Влади. Сыновья мои, которые отдыхали в пионерском лагере, сказали: «Мама, кто-то про тебя песню написал». Ну, и я, конечно, эту песню услышала. Это смешно было очень. Потом меня повели в театр, и я обалдела от спектакля и от Володиной работы особенно. Это был 67-й год... Вот, и потом мы очень долго дружили, до 68-го года.

Эльдар Рязанов. Значит, вы после спектакля зашли к нему за кулисы?

Марина Влади. Мы пошли в Дом актера, как всегда делается после спектакля, и там он сидел тоже. Мы поговорили немножко. Потом он пел; мы поехали к друзьям, и он пел.

Эльдар Рязанов. Ну и какое первое впечатление было, простите, у вас от него?

Марина Влади. Самое, конечно, большое впечатление – это на сцене. В тот момент я понимала русский язык, но не все... И, конечно, остроту текстов я не могла так полностью понять. Первым делом, я была потрясена работой актера. Потому что в роли Хлопуши он выдавал всю свою силу и весь трагизм. Он трагик был. Потом мы сидели, он пел мне свои песни всю ночь, влюбился сразу, сказал мне это сразу. Это было смешно для меня, потому что, вы знаете, актрисе часто говорят такие слова. Мы потом долго дружили.

Эльдар Рязанов. И вы вернулись во Францию?

Сцена из спектакля «Пугачев» в театре на Таганке. Владимир Высоцкий в роли Хлопуши

Марина Влади. Я была на кинофестивале, потом уехала, а через некоторое время вернулась на съемки к Юткевичу. И вот тут-то мы и стали встречаться часто. И так произошло то, что у всех происходит. Мы женились с ним позже, намного позже, мы жили вместе два года. Было очень сложно: где жить, как... Я все-таки француженка, актриса знаменитая. Но нам не очень мешали. И когда, в общем, мы решили жениться, все это произошло довольно спокойно. Не было никаких проблем.

Эльдар Рязанов. Это в Москве происходило?

Марина Влади. Да, да, да. Во Дворце бракосочетания. Ну, как все советские люди, пошли, женились, ушли. Было два свидетеля: Сева Абдулов и Макс Леон – это корреспондент «Юманите» в Москве. Да, это он, кстати, повел меня в театр первый раз.

Эльдар Рязанов. Понятно. Это именно ему, значит, мы всем обязаны.

Марина Влади. В каком-то смысле, да. Но я думаю, что я бы встретила Володю все равно.

Эльдар Рязанов. То есть вы считаете, что раз на роду написано, то пересечение должно было бы произойти?

Марина Влади. Я ничего не считаю, я совершенно неверующая, у меня нет ощущения, что судьба есть какая-то. Но я думаю, что раз я жила год в Москве, я обязательно бы его встретила где-то как-то.

Эльдар Рязанов. И за этот год вы вернули себе знание русского языка и стали понимать его песни?

Марина Влади. Нет, я всё понимала. Но я не могла понимать все подтексты, понять, в чем дело, про что он поет. Тем более в то время он больше всего пел такие шуточные песни, блатные песни. Его репертуар в шестьдесят седьмом году – это совершенно другое, чем то, что он пел в конце жизни.

Эльдар Рязанов. А свадьбу где отмечали?

Марина Влади. В Грузии... Нам устроили колоссальный пир. Мы сидели семь часов за столом... Но мы не пили...

Эльдар Рязанов. Это в Тбилиси или где-то?

Марина Влади. В Тбилиси, да, в квартире, такой чудесный пир. Потом мужики замечательные пели. Ну, а потом мы были на теплоходе «Грузия», у капитана Толи Гарагули. Это было наше с Володей свадебное путешествие на теплоходе.

Эльдар Рязанов. А дальше началась совместная жизнь. Вы популярная актриса, которая должна работать во Франции. Он артист театра и кино, здесь играет в театре, выступает, снимается. Как протекала ваша жизнь? Вы там, он тут – как это происходило?

Марина Влади. Ну как это происходило? Мне нужно было иметь очень хорошее здоровье. Потому что я ездила туда и обратно бесконечно. Он шесть лет не ездил во Францию. Его власти не пускали. И было очень сложно для меня, потому что у меня трое детей, к тому же сыновья. И работа, и надо было продолжать быть актрисой, потому что нельзя всё бросить и сидеть на месте. Жизнь была очень такая сумбурная. За шесть лет я ездила подряд несколько десятков раз туда – обратно.

Эльдар Рязанов. А в связи с этим не было ли разговоров у вас о том, что, может быть, имеет смысл вам переехать в Россию или ему переехать во Францию? Вам же, наверно, хотелось быть рядом, быть вместе.

Марина Влади. Нет, вы знаете, мы с первого же дня поняли, что мы будем жить так, как жили. В конце концов, он имел свою жизнь, я – свою. Но у нас была душевная связь, конечно. И мы общались ежедневно по телефону, благодаря, я должна сказать, чудесным телефонисткам советским.

Марина и Володя в Театре на Таганке

Эльдар Рязанов. Подолгу разговаривали?

Марина Влади. Ну, очень долго, очень долго. Нас просто забывали, к счастью, и мы говорили.

Эльдар Рязанов. Заработанные деньги уходили на оплату разговоров?

Марина Влади. Да, и на самолеты. Вообще, очень всё это было сложно. Но мы рассчитали, что мы все-таки больше живем вместе, чем большинство советских актеров, например. Потому что я часто бывала тут. А потом Володя стал ездить ко мне во Францию. Так что мы все-таки жили вместе примерно восемь месяцев в году. Много.

Эльдар Рязанов. Скажите, пожалуйста, а Володя был ревнив или нет?

Марина Влади. Да, и я тоже.

Эльдар Рязанов. Понятно. И это проявлялось достаточно бурно или, так сказать, подспудно.

Марина Влади. Вы знаете, надо сказать, что у нас темпераменты совсем неспокойные.

Эльдар Рязанов. У обоих?

Марина Влади. Даже если кажется, что я очень спокойный человек, я совершенно не такая. А он вообще был человек очень темпераментный и взволнованный. Наша жизнь была неспокойная, конечно. Мы очень ссорились. Мы же люди нормальные. Несмотря на то, что он, вероятно, гений, он все-таки человек был.

Эльдар Рязанов. Гений обязан быть человеком...

Я все вопросы освещу сполна,
Дам любопытству удовлетворенье.
Да! У меня француженка жена,
Но русского она происхождения.

Нет, у меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.

Запылю ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна,
Как на духу попу в исповедальне!
В блокноты ваши капает слюна —
Вопросы будут, видимо, о спальне?

Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: «Вы изменяли женам?»
Как будто за портьеру подсмотрел
Иль под кровать залег с магнитофоном.

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду:
Один, стоявший скромно в уголке,
Спросил: «А что имели вы в виду
В такой-то песне и такой-то строчке?»

Ответ: «Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет, не суетитесь!
А что имел в виду – то написал:
Вот, вывернул карманы – убедитесь!»

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!

Марина знала, с каким трудом я тогда пробил разрешение на съемку этой телепередачи, и поэтому сказала следующее:

Марина Влади. Я хотела бы поблагодарить всех, кто позволяет эту передачу, и вас, который ее предложил, делает и ведет.

Эльдар Рязанов. Это просто наш долг, который мы выполняем перед огромным количеством людей, которые любят Высоцкого, слушают его. Ведь в каждом доме есть его записи. Так что это естественный отклик на любовь народную. Пожалуйста, скажите, а как он сочинял? Вот, говорят, что он писал ночами...

Марина Влади. Он писал в любое время и по-разному. Были вещи, которые у него месяцами в голове крутились, и понятно было, что он что-то придумывает, что у него что-то в голове делается. У него был такой вид, что становилось ясно – он не тут. А иногда он про-

сто сидел и сочинял впрямую. Ну, конечно, и по ночам писал. Он же работал целый день в театре, репетировал, потом еще кино, выступления...

Эльдар Рязанов. Расскажите о каких-нибудь случаях, когда он вас удивил, поразил, что-то сделал неожиданное.

Марина Влади. Это невозможно, это ежедневные случаи. Он поражал все время. Я не могу рассказать вам двенадцать лет жизни. Он был поразительно добрый. Щедрый очень. Больше всего меня поражали его выступления перед публикой, конечно. У него был особый шарм и огромная сила воздействия на публику, он ее так держал, даже в колоссальных залах, где стоял один, тоненький, маленький человечек. Ведь он был, в общем, довольно невысокий, ничего в фигуре такого особенного не было. Он был, если его встретить на улице, как обыкновенный, любой... А на сцене вдруг сразу же становился гигантом.

Эльдар Рязанов. Когда он придумывал стихотворение, он его вам сразу читал или же дожидался, когда сочинялась музыка, и тогда уже пел вам?

Марина Влади. Нет. Он мне читал сразу, он мне даже звонил ночью в Париж, когда меня не было здесь.

Эльдар Рязанов. И читал стихи по телефону?

Марина Влади. Да, да.

Эльдар Рязанов. А потом читал второй раз, когда сочинял мелодию?

Марина Влади. Иногда он сочинял первым делом мелодию. Кстати, про него как композитора очень мало говорят. А он чудесный композитор, у него очень красивые мелодии.

Эльдар Рязанов. Да, они сразу входят в душу. Значит, бывали случаи, когда мелодия возникала раньше и потом на нее писались стихи?

Марина Влади. Так бывало редко. Обычно сначала стихи, и на них он находил мелодию. Много писал по заказу, об этом люди мало знают. Для фильмов, для спектаклей...

Эльдар Рязанов. А он очень переживал и страдал оттого, что его при жизни не печатали?

Марина Влади. Очень. Он везде предлагал стихи. Он у всех спрашивал помощи. У всех поэтов. И никто не мог ему помочь, к сожалению. Он очень переживал, хотя это смешно, потому что его любила публика, как никого. И он это при жизни чувствовал. Он не был поэтом, которого никто не знает и который пишет для себя и всё в стол кладет. Он знал, что его слушают, что его пленки есть во всех домах. Я помню, как мы однажды ходили по улице, вместе гуляли немножко, влюбленные, молодые... Стояла летняя погода. И из окон домов доносился Володин голос: слушали его пленки. Звучала вся улица, и из каждого окна – разные песни. Он жутко гордился. Но в то же время и стеснялся. Он был очень... странный, вперемешку у него была большая актерская гордость и большая естественная человеческая скромность...

День-деньской я с тоской, за тобой,
Будто только одна забота,
Будто выследил главное что-то —
То, что снимет тоску как рукой.

Это глупо – ведь кто я такой?
Ждать меня – никакого резона,
Тебе нужен другой и покой,
А со мной – беспокойно, бессонно.

Сколько лет ходу нет – не секрет?!
Может, я невезучий? Не знаю!

Как бродяга, гуляю по маю,
И прохода мне нет от примет.

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:
Видно, сколько шагов – столько бед.
Вот узнаю, в чем дело, – покаюсь!

Эльдар Рязанов. А что он для себя считал наиболее важным, сочинение песен или актерскую работу?

Марина Влади. Конечно, поэзию. Я очень счастлива, что могу сказать об этом перед всей публикой России. Всего написал примерно 800 текстов. Когда он умер – всё это произошло внезапно – то у него все рукописи были в порядке.

Эльдар Рязанов. То есть он хотел, чтобы была книга?

Марина Влади. Да. Да. Все рукописи я сдала в Литературный архив. Все рукописи в России, все, не только поэзия. И проза, и его записки и так далее. Так что это важно знать публике, что всё то, что он написал рукой своей, всё это я отдала в ЦГАЛИ (РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. – Э.Р.). Из этого можно сделать полное собрание его текстов. Я думаю, русская публика достаточно подготовлена, чтобы разобраться, что плохое, а что хорошее... В смысле морали, этики у него ничего скверного нет, он был человек очень чистый, очень честных убеждений. И он себя отдавал целиком. Он был щедрый и любил свою публику и свою Родину. Он вернулся в Москву, чтобы умереть, он не умер на Западе, он ведь и не жил на Западе. Он не уехал отсюда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.